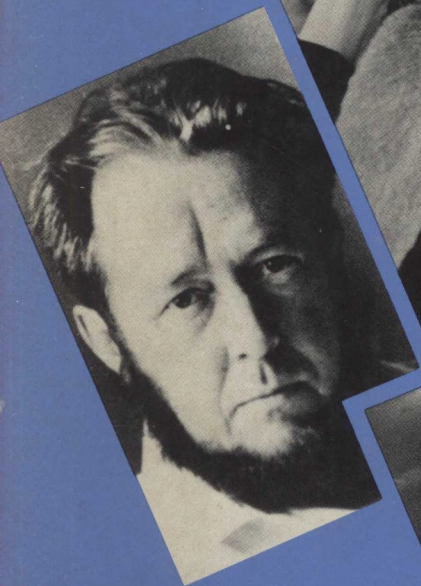
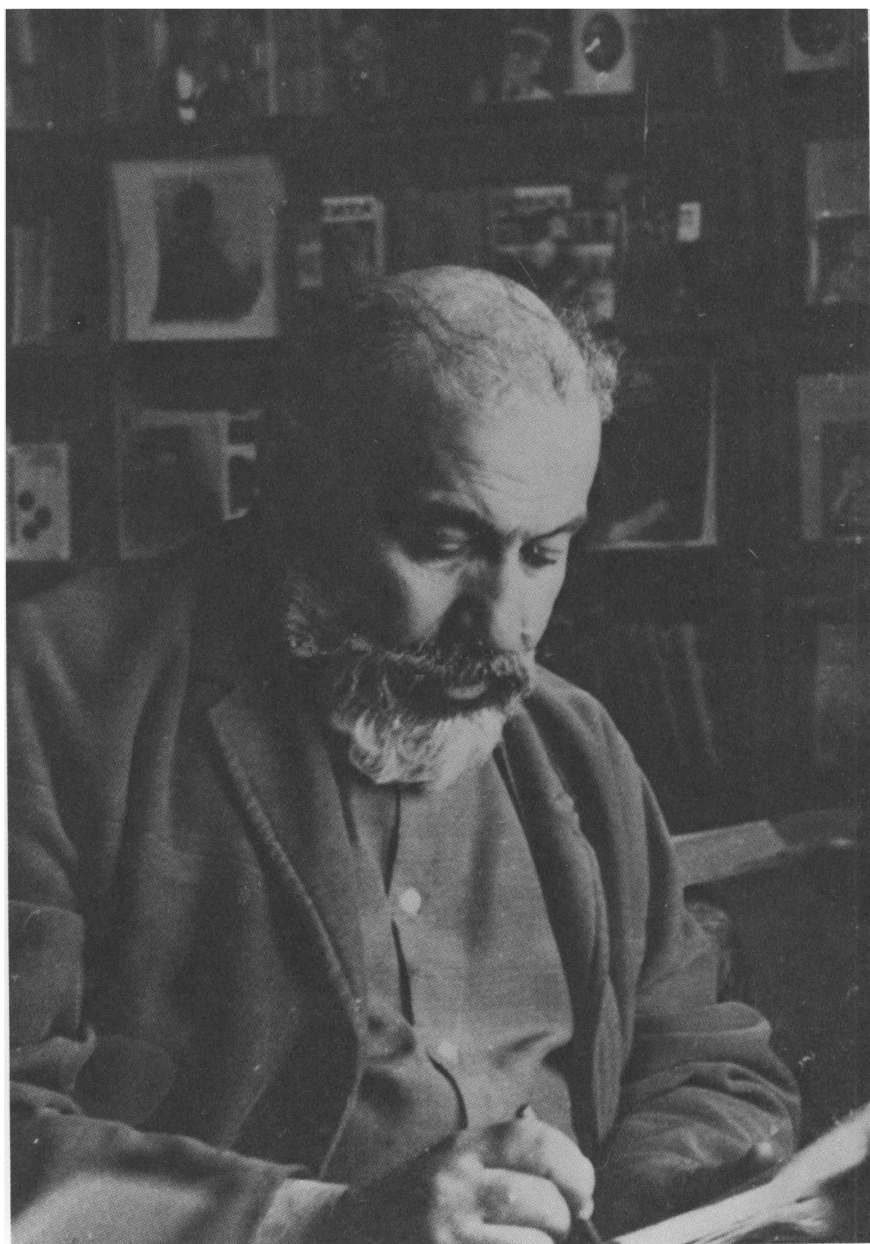


ЛЕВ КОПЕЛЕВ
ВЕРА
В СЛОВО





Лев Копелев

ЛЕВ КОПЕЛЕВ

ВЕРА

В СЛОВО

Выступления и письма 1962-1976 г. г.

Ardis / Ann Arbor

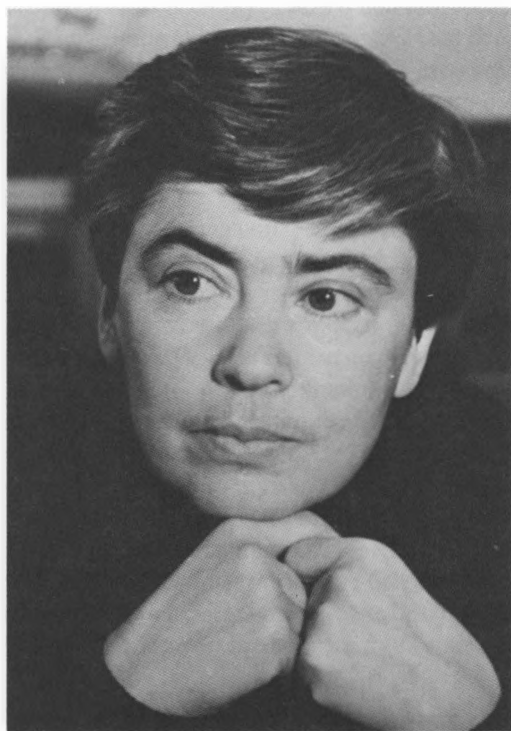
Copyright © 1977 by Ardis

СОДЕРЖАНИЕ

Вера в слово	9
Запретить запреты	12
Об аресте Андрея Синявского	19
К суду над литераторами	22
У гроба Анны Ахматовой	26
Вред цензуры	29
Возможна ли реабилитация Сталина?	31
Госбезопасность, идеология и культура	36
Ответ сталинцу	39
Разговор в Московском комитете КПСС	40
Прощание с партией	47
Об исторических трагедиях и фарсах	49
Письмо чехословацкому другу	52
Солженицына нельзя исключать	54
Письмо тюремным психиатрам	55
О Лидии Чуковской	57
Арест Солженицына — его победа	59
Вопрос к Союзу писателей	60
Амнистировать политзаключенных	62
Ответ следователю прокуратуры	63
Против осуждения Владимира Осипова	64
Подвиг Андрея Сахарова	65
Спаси Мустафу Джемилева!	66
Чему история научила меня	70
В секретариат московской организации Союза писателей СССР	80

Обложка: слева направо — А. Солженицын, Лидия Чуковская, Владимир Буковский, Мустава Джемилев. Ниже — А. Сахаров, В. Некрасов, Л. Копелев, Е. Боннер.

Посвящается памяти Фриды Вигдоровой



1915-1965

*Фрида Абрамовна Вигдорова – писательница,
журналистка, педагог, самозабвенно
отважная подвижница.*

В моей жизни с детства сменялись, вероисповедания, боги, идолы, пророки, идеалы... И, наконец, я пришел к тому, что для евангелиста-поэта Иоанна было началом начал. К слову. „Всего прочнее на земле — печаль и долговечней — царственное слово” (Ахматова). Оно бессмертно, вездесуще и чудотворно — создает новые миры и воскрешает забытые...

Мое вероисповедание обращено не только к царственному слову поэзии, но и к чернорабочему слову, запечатленному или высказанному, чтобы сообщить правду, опровергнуть ложь, помочь хотя бы одному человеку.

Заговоры, мятежи, революции, гражданские войны, — даже исторически необходимые, вынужденные, вызванные жестокостью несправедливых властей, даже освященные благородными идеалами, стремлениями к гуманным целям и жертвенной отвагой мучеников, все же неизбежно порождают новые несправедливости, новые жестокости. Кто бы ни были вожди — идеалист Бакунин или циник Нечаев, гениальный фанатик Ленин или кратантливый краснобай Троцкий, беспринципный кровожадный параноик Сталин или самоотверженный революционер аскет Че Гевара...

Вопреки скептикам, утверждающим, будто история учит лишь тому, что из нее никто ничему не научился, я думаю, что все же извлек из истории для себя некие существенные уроки. Прежде всего — убеждение, что самым действенным оружием в борьбе за права человека, за справедливые законы и добрые преобразования общества может быть только слово. „Каждый, кто пишет заметку для газеты или заносит стихотворную строку на лист бумаги, должен знать, что он приводит в движение целые миры” (Генрих Бёлль).

После всего, что я испытал, узнал и передумал в годы сталинщины, — в школе, на заводе, в институте, на фронте, в тюрьмах, лагерях, — и в годы „десталинизации”, — непоследовательной, ограниченной, исполненной надежд и разочарований, я уже не могу мириться с инерцией зла, которое отравляет и уродует жизнь многих моих соотечественников. Не могу и не хочу мириться с произволом, с тем, что людей преследуют за мысли и слова, неприятные преследователям.

Но противопоставлять всему этому я полагаю возможным и допустимым только слово.

+++

В середине 50-х годов у нас впервые после десятилетий мнимого единодушия и принудительного единомыслия начали пробиваться наружу ростки независимой духовной жизни. Возникло новое общественное движение, выразителями и знаменосцами которого стали Лидия Чуковская, Андрей

Сахаров, Александр Солженицын, Петр Григоренко, Александр Твардовский с его „Новым миром” и массовый „Самиздат”...

За два десятилетия развитие этих новых сил было естественно противоречивым, оказалось не таким широким и мощным, как мнилось оптимистам. Однако и не обмелело, не было подавлено, как рассчитывали противники и пророчили пессимисты.

Подвижники свободного слова приносят жертвы. Юрий ГАЛАНСКОВ погиб в лагере. Илья ГАБАЙ покончил с собой, едва выйдя на свободу. Григорий ПОД'ЯПОЛЬСКИЙ умер от разрыва сердца. Владимир Буковский,¹ Мустафа Джемилев, Сергей Ковалев, Анатолий Марченко, Валентин Мороз, Владимир Осипов, Иван Светличный, Габриэль Суперфин, Михаил Хейфиц, Андрей Твердохлебов, сотни и тысячи других еще томятся в тюрьмах, лагерях, психбольницах, ссылках. Иные, устав, разочаровавшись, отчаявшись или теснимые заботами о близких, отступили, ушли в „частную жизнь”. Не обошлось и без трусов-предателей; но таких единицы. Вынуждены были покинуть родину, стали изгнанниками Наталья Горбаневская, Андрей Амальрик, Иосиф Бродский, Александр Вольпин-Есенин, Александр Галич, Наум Коржавин, Анатолий Краснов-Левитин, Павел Литвинов, Владимир Максимов, Жорес Медведев, Виктор Некрасов, Дмитрий Панин, Леонид Плющ, Григорий Свирский, Андрей Синявский, Александр Солженицын, Валерий Чалидзе, Ефим Эткинд, Анатолий Якобсон и др. Они стараются и за рубежом деятельно участвовать в развитии нашего общественного мнения и словесности.

Однако и по эту сторону границ вопреки всем препятствиям, угрозам, преследованиям и расправам, вопреки всем насмешливым или сострадательным уговорам, не иссякают источники свободной мысли.

Елена Боннер, Татьяна Великанова, Раиса Лерт, Надежда Мандельштам, Татьяна Ходорович, Лидия Чуковская, Евгений Барабанов, Вадим Борисов, Владимир Войнович, Петр Григоренко, о.Дмитрий Дудко, о.Сергей Желудков, Владимир Корнилов, Рой Медведев, Юрий Орлов, Андрей Сахаров, Валентин Турчин, Игорь Шафаревич и многие другие, — люди разных взглядов, разных судеб, иногда резко несогласные между собой продолжают делать по сути одно дело — прокладывают пути слову, независимому от казенной опеки, от цензурных рогаток.

Что бы не произошло с тем, кто помог освободить слово, — оно живет. Его нельзя уже ни убить, ни запереть.

+++

Собрав записи выступлений, письма и заметки разных лет, начиная с декабря 1962 года и до апреля 1976 года, я решил их опубликовать потому, что в этих материалах личного архива отразились некоторые характерные черты одного из срезов нашей общественной жизни. Именно эти ис-

Примечание ред. Написано до освобождения В. Буковского в обмен на Л. Корвалана.

кренне лойяльные письма привели к тому, что меня объявили отщепенцем, клеветником, исключили из партии, отстранили от работы, запретили публично выступать и лишили возможности что-либо опубликовать на родине.

За полтора десятилетия вокруг меня и во мне многое изменилось. Я перестал быть коммунистом. По-иному думаю о взглядах Маркса и Ленина, о социалистических идеях. (Хотя и не сделал „поворот направо кругом“, как те, кто став фанатичными антикоммунистами, сохраняют истинно большевистскую ненависть к демократии, либерализму и к любому несогласию со своей, единственно правильной идеологией).

Перечитывая сегодня иные недавние рассуждения, я ощущаю, что „как пчелы в улье опустелом, дурно пахнут мертвые слова“ (Гумилев). Но я ничего не исправляю. Не убираю ни наивно догматические аргументы, ни назойливые повторения элементарных истин. Потому что убежден: только безоговорочно честное отношение к своему прошлому позволит быть честным и в настоящем и в будущем. Тогда я именно так думал и чувствовал. Именно так понимал свой гражданский и партийный долг.

Впрочем есть у меня еще и сугубо личный долг. В 1945-47 г.г., когда меня арестовали, а затем осудили, как „государственного преступника“, мои друзья и товарищи выступали в мою защиту. Тогда это было несоизмеримо опаснее, чем теперь. Их исключали из партии, увольняли из армии, снимали с работы, зачисляли в „подозрительные“. И каждый раз, пытаясь защищать неправомерно преследуемых и осужденных, я тем самым еще и выражаю неизбывную благодарность моим тогдашним защитникам — и тем, кого уже нет в живых, и тем, кто перестал быть мне другом.

Сегодня я не принадлежу и не хочу принадлежать ни к какой партии или течению. Не считаю себя диссидентом. Я не верю ни в какие спасительные откровения, программы или хартии. Но я твердо убежден, что для всех народов моей страны и тех стран, чья история мне знакома, жизненно необходимы законы, безоговорочно охраняющие безопасность и права всех людей и каждого отдельного человека. Действительное соблюдение таких законов немыслимо без настоящей гласности, настоящей свободы слова. А настоящая свобода означает свободу и для инакомыслящих, инакововерующих.

Без таких законов, без гласности и терпимости не может быть здорового общества и не может быть предотвращена ни одна из губительных угроз, нависших над всем человечеством.

Этим убеждением определяется все, что я пишу и говорю.

И только моя совесть может быть моим руководителем, цензором и судьей.

Лев Конелев

ЗАПРЕТИТЬ ЗАПРЕТЫ

Из стенограммы выступления на научной конференции работников искусств в декабре 1962 года во Всероссийском Театральном Обществе (ВТО). Конференцию созвали ВТО, Институт Истории Искусств и Академия Художеств.

...Наследники Сталина сегодня еще весьма вредны и опасны. В частности и тогда, когда они участвуют в „борьбе против культа личности“. Опасным мне сегодня кажется, так сказать, применение сталинских методов для преодоления сталинского наследства.

Несколько примеров этого. Недавно я смотрел в кинотеатре на Тверском бульваре фильм „Майн Кампф“ — (название у нас изменили) — фильм весьма своеобразно и не слишком удачно препарированный. Там непрерывно звучащий дикторский голос вдруг странно умолкает в тех кадрах, которые показывают сталинградскую битву. Диктор не решается произнести слово „Сталинград“.

Этим летом в одном издательстве задержали издание книги о Пабло Неруде, потому что его замечательная, написанная в 1943 году поэма называется „Песня любви к Сталинграду“, и автор книги не хотел переименовать ее в „Песню любви к Волгограду“.

Склонность применять сталинские методы для преодоления сталинского наследства обнаруживают иногда и самые искренние противники культа. Мне кажется, что эта склонность сказалась и сегодня, здесь, в некоторых выступлениях. Несколько лет тому назад те, кто сопротивлялся борьбе против культа, прибегали к таким формулам: „не надо вкладывать персты в язвы“, „не будем заголяться“, „забудем тяжкое прошлое“ и т.п. Но зато сегодня возникла иная, словно бы вполне противоположная опасность: стараются говорить только о прошлом и только об ошибках и преступлениях Сталина. При этом сейчас наиболее ревностные обличители уже решительно отмежевываются от этого прошлого: мол, я сам не виноват, я был только исполнителем, я — жертва!

В пьесе Шварца „Дракон“ есть такой эпизод. Негодяй Генрих, раболопный холоп дракона и пособник его преемника, говорит благородному Ланцелоту: „Я не виноват, меня так учили“. Но тот справедливо возражает: „Всех учили, но почему ты был первым учеником, скотина этакая!“

Так вот сегодня не стоит ни тем, кто был первым учеником, ни тем, кто не был из первых, повторять старые уроки. Сегодня пора понять, что со сталинским наследством нужно бороться и можно бороться успешно только по-ленински, а не по-сталински. Я мог бы претендовать на формальное право говорить об этом более резко и как бы со стороны, потому что при

культе личности просидел почти десять лет в тюрьмах и лагерях. Но я не хочу прибегать к выгодной для себя достоверной неправде. Потому что посадили меня не за борьбу против культа Сталина. Я был арестован и осужден по политическому обвинению за то, что пытался бороться против таких явлений нашей жизни, которые считал вредными, неправильными. Но я их тогда никак не связывал с личностью Сталина, которому доверял безоговорочно. Наоборот: я думал, что если бы мне до него дойти и рассказать ему всю правду, то все можно было бы исправить.

Но, хотя я и не был „первым учеником”, я считаю, что в такой же степени, как и многие „первые”, несу ответственность за все, что было при Сталине и за то, как мы сегодня будем разделяться с этим прошлым.

Култ Сталина разоружал нас идеологически — да, именно идеологически разоружал. Сегодня об этом рассказали много интересного товарищ Ромм и товарищ Юткевич. Однако и сегодня у нас продолжают неправильно информировать наших людей о том, как действительно принимают наше искусство и нашу литературу и за рубежом и у нас в стране. Как их принимает не некий мифический единый „Читатель” и единый „Зритель”, а реальные массы читателей и зрителей. Столь же громогласные, сколь и голословные ссылки на „нашего зрителя” или „нашего читателя”, на „требования народа” — это одна из дурных традиций. Чем скорее мы от нее избавимся, тем лучше. Если бы кто-либо из присутствующих в этом зале или даже представитель самых высоких советских или партийных инстанций пожелал узнать, какие книги наших авторов переведены и где именно, как их встречают, как судит пресса о наших фильмах и художественных выставках, как оценивают конкретные произведения и общее развитие нашего искусства и литературы друзья, противники и колеблющиеся, то он не мог бы получить сколько-нибудь точного ответа. Потому что у нас никто всерьез не занимается этими вопросами. И только отсутствием правдивой объективной информации, только совершенно неправильными представлениями о том, как нас читают и смотрят, только полным равнодушием к аудитории и к общественным целям и назначению нашего искусства, полным безразличием и к друзьям и к противникам можно объяснить, например, то, что повезли за рубеж такой фильм, как „Люди и звери” и у себя дома пытались его так усиленно рекламировать, пропагандировать в печати. В этом фильме, по-моему, воплощены все наши худшие традиции и все худшие формы мнимого новаторства.

Есть и в литературе примеры такой глухоты, унаследованного от недавнего прошлого самодовольного равнодушия, когда издают, публикуют вхолостую, не воспринимая резонанса, не считаясь ни с общей предполагаемой целью, ни с конкретными результатами, а только с одобрением вышестоящих инстанций. Журнал „Советская литература” (на иностранных языках) опубликовал в 1960 году роман „Братья Ершовы” на четырех языках. Эта публикация была встречена очень своеобразно. Итальянские

и французские коммунисты дезавуировали роман. Газета французской компартии писала о нем, как о крайне неудачном произведении, литературно слабом и к тому же чернящем советскую действительность. Но зато один из ведущих антикоммунистических журналов „Тьемпо пресенте“, которым руководит наш старый противник Силоне, писал, что вот наконец-то из достоверных источников поступило подтверждение, свидетельство ожесточенной классовой борьбы в Советском Союзе. Казалось бы, все достаточно вразумительно. Однако в прошлом году этот же журнал снова опубликовал очередной роман того же автора „Секретарь обкома“, опять на четырех языках. Не посчитавшись с тем, что уже оригинал был резко отрицательно оценен зарубежными друзьями, а выступление автора на 22-ом съезде сурово критиковал центральный орган итальянской компартии.

Все это примеры идеологической глухоты, идеологического разоружения, которое продолжается и сегодня. В этом повинны те наследники Сталина, о которых хорошо сказал Евтушенко, что они клянут Сталина с трибун, но из них самих еще „Сталина не вынесли“.

Мне предоставляются сегодня опасными и формальное декларативное отращивание от прошлого и чисто „ретроспективная“ борьба против культа личности, как против чего-то уже устраненного, преодоленного, похороненного. Потому что и сегодня еще в разных областях нашей жизни подвизаются деятели, которые пользуются все теми же старыми методами, старыми рецептами. Проявилось это и в наших беседах здесь. Меня огорчила заключительная часть блестящего выступления Михаила Ильича Ромма, его призыв „дать по рукам“, прорабатывать, наказывать... Товарищ Ромм справедливо упрекал предшествовавшего ему оратора – товарища Доротина, – который предлагал вызвать Леонида Леонова в ЦК и „посоветовать“ ему вернуться к драматургии. Ромм правильно сказал, что это пример мышления по-старому. Но и сам он обнаружил столь же старый „культовый“ стиль мышления, призывая „дать по рукам“. Неужто опять создавать качели – сегодня одному по рукам, а завтра другому? Заменить сталинский стиль ленинским означает вести идеологическую борьбу только идеологическими средствами без административных расправ, без „проработок“ – т.е. таких кампаний обличений и хулы, когда исключена всякая возможность защиты и самозащиты обличаемого, „прорабатываемого“.

Товарищ Ромм сегодня только дал аргументы тем вчерашним проработчикам, которых он хотел бы проработать сейчас. И они, вопя, что к ним применяют старые сталинские средства расправ, могут избежать настоящего, т.е. спокойного, объективного, хорошо аргументированного преодоления того вреда, который они причиняли и причиняют. Именно так уже действуют наследники Сталина, защищая свои позиции в литературе и искусстве.

Летом этого года в „Новом мире“ было опубликовано короткое письмо Анны Ахматовой, Всеволода Иванова, Самуила Маршака и литературове-

да профессора Бонди о непристойном, развязном фельетоне Назаренко, который попросту грубо издевался на страницах журнала „Октябрь” над серьезной научной работой старого пушкиниста. „Октябрь” откликнулся на это целой страницей, утверждая, что Ахматова и Вс.Иванов проработчики, а Назаренко, мол, жертва проработки. Это не просто нелепый анекдот. Давайте разберемся в том, что такое *проработка*? Это бездоказательное политическое обвинение, на которое обвиняемому не дают отвечать и которое, как правило, завершается оргвыводами. Раньше в худшем случае было: пожалуйста воркутинский уголек рубать, или ветлужский лес валить, или колымское золотишко добывать, а в лучшем случае — переходите на иждивение к родне, потому что несколько лет не будут печатать. Ничего этого теперь не будет и не надо к этому призывать.

В эти дни идет серьезный и страстный, откровенный партийный разговор о главных проблемах нашего искусства. Такие открытые честные разговоры — самое опасное для всех наследников Сталина, в том числе и для тех, кто числится при искусстве и литературе. Потому что рассказать о них правду, рассказать убедительно, доказательно — значит их обзвредить.

Сегодня здесь много говорили о правде. Хорошо говорили. Это слово все чаще звучит у нас. И во имя правды я хочу поспорить с Ниной Александровичей Дмитриевой, которая сделала очень хороший, даже блестящий доклад. Но в этом прекрасном докладе я услышал несколько фраз, резанувших по слуху, фраз, которые противоречат всему докладу, противоречат правде, которую мы во весь голос требуем от искусства, от науки об искусстве, от всех наших разговоров об искусстве... Я имею в виду фразы о модернизме, который, дескать, „на содержании у империализма”. Это печально знакомое словосочетание произносилось как на грех именно в тот день, когда здесь в Москве на Коммунистической улице открылась выставка московских художников-абстракционистов... Так ведь сегодня-то уже, слава Богу, никто, ни один просто здравомыслящий человек не поверит, что этих московских ребят содержит империализм. Я не люблю абстрактную живопись. В 9 случаях из 10 произведения абстракционистов мне не нравятся, либо кажутся только забавными. Но говорить, что абстракционизм в живописи возник и существует только по воле империализма или ему в угоду, значит говорить заведомую неправду, противоречить фактам. Ведь общеизвестно, что так называемое левое искусство, которое находит крайнее выражение в абстрактной живописи, наиболее массового расцвета достигло у нас именно при советской власти, в первые годы после революции, в годы до культа личности.

И, напротив, наиболее последовательному беспощадному уничтожению оно подвергалось там, где его называли „культурбольшевизм”, когда в гитлеровской Германии засовывали в шкафы с удушливыми газами полотна Клее, Кокошки, Кандинского, Шагала, Пикассо... Да и такие близкие к империализму люди, как Трумен, Эйзенхауэр, Черчилль, папа Пий

всегда неодобрительно отзывались об абстрактной живописи. И, кстати, они-то приписывали ее происхождение нам. Орест Верейский рассказывал, как во время недавней поездки в США он и его спутники хотели осмотреть музей в Бостоне, который был закрыт, — они попали туда в воскресенье. Дежурный полисмен, узнав, кто они, сказал укоризненно: „Ага, это вы, русские художники, придумали вместо живописи мазню, которую никто не понимает...” Говорил он, разумеется, неодобрительно и был вполне убежден, что абстрактную живопись завезли в Америку от нас...

Необходимо серьезно разобраться в общественных и психологических предпосылках развития всех весьма разнообразных течений современного, в частности и так называемого модернистского искусства. Необходимо исследовать и то, какое место оно занимает в идеологической борьбе. При этом необходимо преодолеть то, ставшее, увы, традиционным, неуважение к правде, когда можно было признавать правдивым лишь суждение, исходящее из „вышестоящих инстанций”, а несоответствующие ему факты, даже самые очевидные, полагалось искажать, отвергать или просто игнорировать.

В Англии и в Италии среди молодых художников-абстракционистов много коммунистов и комсомольцев. О Пикассо здесь уже достаточно говорили. Можно вспомнить и о Матиссе, о Леже. Молодые московские архитекторы говорили мне, что сейчас Москва несомненно на первом месте в мире по количеству произведений абстрактной живописи, создаваемых ежемесячно.

Это не должно умилять. Но значит ли, что стоит впадать в панику, в отчаяние, кричать об идеологических диверсиях империализма?

В 20-е годы один французский врач стал было удалять аппендикс у младенцев, полагая, что аппендикс никому не нужна, „бессодержательная” часть организма и от него возможны только неприятности. Возникла мода и несколько тысяч детей были подвергнуты такой профилактической операции. Но потом обнаружилось, что в большинстве случаев после удаления никому не нужного и, казалось бы, даже вредного отростка, дети стали развиваться ненормально, становились болезненными, участились случаи кретинизма. Объяснить этого никто не мог, но факты были явственны.

Вот и мы в 30-е годы, особенно в 1937-38 г.г., насильственно удаляли „аппендиксы” модернизма. И это не прошло бесследно для нашего искусства. Когда сегодня мы на выставках прикладного искусства или на выставках плакатов, афиш встречаемся с польскими или чешскими коллегами, мы со стыдом убеждаемся, как мы от них отстали. И, право же, не приходится особо доказывать, что все преимущества в развитии как раз самого массового, истинно „всенародного” искусства — в оформлении плакатов, афиш, товаров широкого потребления, интерьеров, словом, в развитии искусства, призванного украшать повседневную жизнь миллионов людей, мы утратили в результате разгрома пресловутого модернизма, преследо-

вания и шельмования абстракционистов.

Искусственное подавление, административное устранение того, что может быть даже большинству зрителей и читателей в данный момент казалось ненужным, неприятным, даже „ненормальным” в искусстве, обратилось в конечном счете в свою противоположность. Это должно стать для нас очень серьезным уроком.

Тема нашей конференции „Традиции и новаторство”. От каких традиций нам нужно отказаться, пожалуй, ясно для всех. В этом мы почти единодушны. Но то обстоятельство, что и сегодня кто-то хочет планировать новаторство, пытается давать „установки”, каким именно оно должно быть, — это ведь тоже дурная традиция. В ней заключено „контрадицию ин адъекто”, она противоречит самой сущности любого новаторства. Во всем, и тем более в искусстве, — „езде в незнаемое”. Ведь потому оно и новаторство, что его нельзя предвидеть, что самое лучшее в нем всегда неожиданно.

И, говоря об этом, мы можем сослаться на ленинские принципы, не как на некое отвлеченное понятие, а на их воплощение в конкретном историческом опыте. Вспомним, как Ленин относился к поэзии Маяковского, к ВХУТЕМАСу, к некоторым спектаклям МХАТа... (С места: „Отрицательно”.)

Вот именно: относился отрицательно, однако ничего не запрещал и не позволял запрещать. (*Председательствующий Ю. Калашников: „Запрещать ничего нельзя!”*)... Да, нельзя. И Ленин ничего не указывал художникам, не наставлял их, не советовал, как им следует работать. В крайнем случае говорил: „Мне это не нравится; меня это не радует... А в общем-то Анатолий Васильевич Луначарский лучше в этом разбирается”. Однако и Луначарский, который и сам был литератором, драматургом, и поэтом был, естественно, пристрастен, субъективно заинтересован в вопросах литературы, искусства, не допускал, чтобы его пристрастия, его вкусы сказывались на его деятельности Наркома. Он заботился о том, чтобы литераторы и художники не слишком жестоко дрались друг с другом, чтобы не было эстетических законодателей-монополистов, всевластных администраторов.

Вот и сегодня возрождать ленинские принципы — значит не прибегать к методам „давания по рукам”. Надо только открыто, убедительно обличать всяческую дрянь. И тогда она развалится, отпадет. Есть такие злокачественные бактерии — анаэробы, которые не выносят воздуха. Наследники Сталина из той же породы. Они не могут преуспевать в чистой атмосфере откровенных, страстных, но деловых, товарищеских, творческих споров. В таких условиях они перестают быть опасными.

И не надо пытаться планировать и „направлять” новаторство. Не то оно перестанет быть новаторством. Мы все согласны с тем, что следует запрещать пропаганду контрреволюции и порнографию. Но если кто-то малюет абстрактные картины, которые не нравятся даже большинству из нас, то пусть малюет, пока ему не надоест, пока его не переубедят, не переспорят

его коллеги. И если кто пишет стихи лесенкой или решеткой, да пусть хоть колесом, пусть пишет, пока находит читателей. Будем спорить, критиковать.

Но честный спор означает, что и тот, кого оспаривают, критикуют, может отвечать беспрепятственно. Так вот, надо не прорабатывать, не „давать по рукам”, а честно и смело спорить. Номенклатурных „блюстителей традиций” надо лишить критической неприкосновенности. Никто у нас не должен быть недоступен для критики. Никакие заслуги и достоинства не могут служить охранной грамотой. Но, с другой стороны, не надо под предлогом борьбы „против ложного новаторства” или против „формализма” ничего запрещать; никого не нужно загонять в подполье.

Нужно раз и навсегда запретить запреты.

М. Ромм – известный режиссер, автор фильмов о Ленине и картины „Обыкновенный фашизм”.

С. Юткевич – известный режиссер, автор фильма „Гамлет”.

„Люди и звери” – фильм С. Герасимова.

„Секретарь обкома” – роман В. Кочетова.

Текст этого выступления не был никогда опубликован. Однако стенограмму сразу же передали в ЦК и в конце декабря 1962 года, Л. Ф. Ильичев, тогдашний председатель идеологической комиссии ЦК (его называли „хрущевский Жданов”), в речи на совещании при ЦК ВЛКСМ осудил меня за „примиренчество к формализму”. Безапелляционный отзыв Ильичева привел к тому, что меня стали „прорабатывать” в партбюро, в секции критики московской организации Союза Писателей и в партийной организации Института Искусств. После долгих изнурительных разговоров и доброжелательных уговоров меня вынудили написать „объяснительную записку”, в которой, не опровергая ничего по существу, я, все же, признавал ошибочным то, что „недостаточно компетентно и недостаточно вразумительно формулировал некоторые мысли”.

„Записка” так же не была нигде оглашена, она требовалась лишь как некое ритуальное действие для соблюдения традиционных форм и норм „партийности”.

Это был последний мой компромисс со своей совестью, последняя уступка мертвым ритуалам.

ОБ АРЕСТЕ АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО

Открытое письмо в секретариат ЦК КПСС, в идеологическую комиссию при ЦК КПСС, в Президиум Правления Союза писателей СССР.

22-го ноября с.г., выступая на открытом партийном собрании в институте истории искусств, тов. Г.И. Куницын высказал немало интересных мыслей, которые встретили одобрение большинства присутствующих и после собрания помогают многим, в том числе и мне, плодотворно думать о своей работе. Однако я не могу согласиться с тем, что, говоря об отдельных нездоровых явлениях, о вражеской агентуре в нашей среде, тов. Куницын назвал подряд имена: Тарсис, Синявский и Рабин. Тогда же, на собрании, я высказал сомнение в том, правомерно ли называть эти три имени в одном ряду. Тов. Куницын отверг это сомнение. И поэтому я хочу здесь более подробно его обосновать.

В. Тарсис — бездарный и озлобленный графоман; его последние выступления в зарубежной печати действительно носят характер политических нападок. Талантливый живописец О. Рабин, — как бы ни относиться к его картинам, — конечно же, не заслуживает ни политических обвинений, ни оскорбительного подверстывания к Тарсису.

А. Синявский — очень талантливый и образованный литератор-ученый, пользуется заслуженным авторитетом в широких кругах интеллигенции, известен за пределами нашей страны. Тов. Куницын сказал, что Синявский арестован по обвинению в том, что он выступал в иностранной печати под псевдонимом „Абрам Терц“. Слухи об этом аресте и обвинении распространяются уже некоторое время, усиленно муссируются отнюдь не дружественными нам зарубежными газетами и радиопередачами, но вызывают недоумение, тревожные запросы и настоящих друзей.

Считаю своим гражданским и партийным долгом обратить Ваше внимание на следующие обстоятельства:

1. Я не знаю, разумеется, в какой мере обоснованы обвинения, предъявленные Синявскому, но я читал повесть пресловутого Терца „Суд идет“ в немецком журнале. Это литературно-беспомощное произведение, изобилующее неточностями и фактическими ошибками, которые свидетельствуют о крайне приблизительном знании советской жизни. Почти невозможно представить себе, что одаренный и образованный литератор может на протяжении многих страниц притворяться бездарным невеждой. Еще труднее понять причины и цели такого притворства.

Но, даже независимо от этих соображений, сама по себе эта повесть, описывающая события 1952-53г.г., как бы сомнительны ни были ее идеологические предпосылки и ее историческая достоверность, все же не дает по-

вода для уголовного преследования, для ареста и следствия, протекающего в обстановке такой секретности, которая напоминает о достаточно памятных событиях прошлого, решительно осужденных 20-м и 22-м съездами.

2. Именно поэтому арест Синявского возбуждает слухи и настроения, представляющие реальную опасность и для наших позиций в международной идеологической борьбе и для решения многих проблем идейного воспитания, прежде всего воспитания молодежи.

Опыт недавних лет однозначно свидетельствует о том, что кампания против Пастернака в 1958 году, грубая проработка Евтушенко за „Автобиографию” в 1963 году, „дело” Бродского в 1964 году не принесли нам ничего, кроме вреда, часто почти непоправимого. Они вредили международному престижу нашего государства и нашей литературы, давали аргументы врагам, дезориентировали, отпугивали друзей за рубежом. И не меньше вредили морально-политическому воспитанию нашей молодежи, вызывая те печальные кризисы доверия, которые нельзя преодолеть никакими риторическими поучениями, никакими окриками и наказаниями.

3. Это нельзя забывать, а помня это, нельзя не спросить: к каким же результатам может привести „Дело Синявского”, если даже будет доказано, что он как-то связан с сочинительством Терца?

Разумеется, такое „дело” вызовет многочисленные отклики, искренне осуждающие Синявского в самых резких выражениях. Но с точки зрения реальных интересов партии и государства оно будет ни что иное, как лекции по атеизму для безбожников.

Напротив, именно для той части молодежи и той части интеллигенции, о воспитании которых надо особенно серьезно заботиться, это дело — только новый аргумент против утверждения, что у нас уже восстановлена законность, новый возбудитель активного или пассивного, скрытого, — но тем более опасного, — противодействия идеологическим влияниям нашей печати и нашей литературы.

4. Такие результаты неизбежны, потому что Синявский арестован за то же, за что других только критиковали, а Тарсису даже не мешали получать гонорары в иностранной валюте. Потому что Синявский арестован по подозрению в действиях, которые не могут считаться преступными с точки зрения нашего основного закона.

Если бы у меня сегодня был тот же строй мышления, что 25-30 лет тому назад, то я, наверно, думал бы, что все эти „дела” (Пастернака, Евтушенко, Бродского, Синявского) затевают сознательные, злоумышленные враги, желающие дискредитировать нашу страну и литературу. Но печальный опыт многих лет убеждает, что есть, к сожалению, более, чем достаточно, таких услужливых друзей, которые опаснее самого коварного врага.

5. В свете конкретных задач и нелегких проблем сегодняшней идеологической борьбы представляется необходимым возможно скорее освобо-

дить Синявского, а материалы этого дела передать в Институт Мировой Литературы, где он работает, и в Союз Писателей, членом которого он состоит.

27 ноября 1965 года.

Г. Куницын – профессор эстетики, в то время был зав. отделом ЦК КПСС.

К СУДУ НАД ЛИТЕРАТОРАМИ

Письмо в юридическую консультацию №1 Первомайского района г. Москвы.

*От Л. З. Копелева,
члена Союза писателей,
кандидата филологических наук,
Москва, ул. Горького, 6, кв. 201.*

В ответ на Ваш запрос от 1-го февраля 1966 года (№1–25) об отзыве на произведения Ю. Даниэля, который, как Вы указываете, нужен „в связи с рассмотрением уголовного дела”, считаю необходимым сообщить следующее:

1. Я прочел повесть „Говорит Москва” и рассказы „Руки” и „Человек из Минапа” Н. Аржака. В статье Д. Еремина, опубликованной в „Известиях”, и статье З. Кедриной, опубликованной в „Литературной газете”, говорится, что Н. Аржак — псевдоним Ю. Даниэля.

Подробный разбор этих произведений вызвал бы разные толкования и оценки, вызвал бы также и резкую критику идейно-художественных недостатков. Такой разбор может быть только профессиональным литературно-художественным исследованием, которое необходимо предполагает спор, сопоставление разных точек зрения, исключает любые безапелляционные вердикты.

Но в Вашем запросе речь идет об „уголовном деле”. Судя по упомянутым выше статьям, это дело о государственном преступлении. Поэтому целесообразно прежде всего ответить на вопрос, дают ли прочтенные мною повесть и рассказы материал для такого обвинения. На этот вопрос я могу ответить только отрицательно.

Естественно, возникает другой вопрос: что же могло дать повод для возникновения уголовного дела и для тех резких политических обвинений, которые еще до суда прозвучали со страниц газет.

2. Мне представляется, что это объяснимо прежде всего самой природой того литературного жанра, в котором написаны повесть и второй рассказ. Это жанр фантастического гротеска, сравнительно редкий и непривычный в нашей литературе последних десятилетий и потому вызывающий подчас резко отрицательное отношение читателей, воспитанных в традициях реалистического повествования, основанного на достоверном изображении жизни.

Н. Аржак, по моему мнению, — тем более объективному, что мне лично не нравятся некоторые существенные особенности его произведений, — одаренный и квалифицированный беллетрист. Повесть „Говорит Москва” —

это гротескно-фантастическая притча. Ее фабула откровенно условна, нарочито фантастически абсурдна. Время действия отнесено к 1960 году, что уже само по себе исключает претензию на достоверность. Внешние черты нашего быта пародийно смещены. Но общий вывод, так сказать, основной пафос повести отнюдь не антигосударственный, да и вообще не политический, а моралистический. Смысл его, по-моему, таков: каждый человек ответственен, даже виновен, если рядом с ним покушаются на жизнь другого человека. Можно спорить с абстрактно-метафизическими, и пацифистскими нравственными принципами, воплощенными в этой повести, можно спорить с иными сомнительными в идейно-художественном отношении особенностями его сатирического гротеска. Однако я убежден, что нельзя предъявлять автору политические обвинения, ссылаясь на этот нарочито-гротескный, абсурдный сюжет. И тем более нельзя возлагать на автора ответственность за мысли и речи его персонажей, как это делают авторы статей в „Известиях” и в „Литературной газете”. Это недопустимо при анализе любого литературного произведения и особенно – гротескного. Между тем, Д.Еремин квалифицирует даже как „провокационный призыв к террору” то место, которое в действительности имеет прямо противоположный смысл. Военные воспоминания героя, возникающие почти как бред, вызывают у него ужас и отвращение ко всякому убийству: „Я больше не хочу никого убивать. Не хочу!”

Общее мировосприятие лирического героя достаточно внятно выражено в ряде мест – в его воспоминаниях об отце – комиссаре Гражданской войны, и особенно в заключительных абзацах. Моралистическое обобщение: „Ты должен сам за себя отвечать, и этим – ты в ответе за других” – явственно сочетается с утверждением любви к родной стране.

Рассказ „Человек из Минапа” тоже написан в манере фантастического гротеска. Литературно он более слаб, несколько пошловат, но никак не может быть поводом для политических и уголовных обвинений.

3. Возможность таких обвинений, как уже указывалось выше, связана с особенностями жанра. Гегель считал одним из признаков гротеска „безмерность преувеличения”. В первом издании Советской Литературной Энциклопедии сказано: „О гротеске в собственном смысле слова можно говорить лишь там, где смещение планов и нарушение естественного изображения носит характер литературного приема, отнюдь не воспроизводящего полного мировосприятия автора” (том 3, 1930 г., стр.24). Во втором издании „Литературной Энциклопедии” гротеск характеризуется как один из „видов типизации (преимущественно сатирической), при которой деформируются реальные жизненные соотношения правдоподобия, уступая место карикатуре, фантастике, резкому совмещению контрастов” (том 2, 1964 г., стр.401).

В недавно изданной книге выдающегося советского литературоведа М.Бахтина отмечается: „В гротеске... то, что было для нас своим, родным

и близким, внезапно становится чужим и враждебным. Именно *наш* мир превращается вдруг в *чужой*.” („Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса”, М. 1965 г., стр.55).

Конкретные примеры жанра — многие новеллы Э.Т.А. Гофмана и Э.По, повесть Н.В. Гоголя „Нос”, значительная часть прозы М.Шедрина, „Двойник” и „Крокодил...” Ф.Достоевского, некоторые рассказы Лескова, Ремизова и др. В советской литературе средства сатирического и фантастического гротеска широко использовали В.Маяковский, Вс.Иванов, И.Ильф и Е.Петров, И.Эренбург, Е.Шварц и др. В зарубежной литературе 20-го века — Я.Гашек, К.Чапек, Б.Брехт и др.

Гротескно-фантастическая проза произведений Н.Аржака находится в русле традиций этого жанра.

4. Как уже отмечалось выше, характерные особенности гротеска затрудняют его восприятие и даже вызывают антипатию, вполне естественную у читателей, воспитанных в иных литературных традициях. Но это никак не может обосновать уголовного преследования по политическим обвинениям.

Многолетний опыт советской литературы свидетельствует о том, что политические обвинения, выдвигавшиеся против самых разных авторов в пылу литературной полемики, как правило, впоследствии оказывались несостоятельными. Достаточно вспомнить, что даже такие произведения, ставшие ныне нашей классикой, как пьесы и многие стихи Маяковского, „Тихий Дон” Шолохова, „Вор” Леонова, романы и фельетоны Ильфа и Петрова назывались антипартийными”, „мелкобуржуазными” и даже „клеветническими”. Стихи Есенина, ранние романы Эренбурга были изъяты из библиотек в результате еще более суровых обвинений.

Разумеется, я не намерен ставить в один ряд с названными выше книгами те произведения, на которые дается этот отзыв. Но тем не менее, исторический опыт необходимо учитывать и в данном деле.

5. В истории нашей литературы есть и иные примеры, гораздо более близкие к данному случаю. Роман Е.Замятина „Мы” и роман Б.Пильняка „Красное дерево” были опубликованы за границей в конце 20-х годов. Оба эти произведения наша критика тогда расценила как резко враждебные основным принципам советского строя. Однако, несмотря на то, что в ту пору наша страна находилась в неизмеримо более трудном положении, чем теперь, окруженная со всех сторон врагами, эти литераторы не были привлечены к судебной ответственности. Е.Замятину в 1931 году была предоставлена по его просьбе возможность уехать в Англию, Б.Пильняк был репрессирован в 1938 году по другому поводу и посмертно реабилитирован.

6. Все сказанное выше побуждает меня с полным сознанием всей меры гражданской и партийной ответственности, повинуюсь только моей совести коммуниста, гражданина, советского литератора, заявить, что при всех недостатках рассмотренных мною произведений я не вижу в них никаких

оснований для судебного преследования по уголовному делу.

5/6 февраля 1966 года.

Суд отказал адвокату, который просил приобщить это письмо к делу.

У ГРОБА АННЫ АХМАТОВОЙ

Поэзия Ахматовой, ее судьба, весь облик, — прекрасный и величественный, — олицетворяют Россию в самые трудные, самые трагические и самые славные годы ее тысячелетней истории.

Анна всея Руси — так называла ее другая великая дочь России Марина Цветаева.

Анна всея Руси! Это гордость, непреклонная и в унижениях и в смертельном страхе. Это смирение, — именно смирение, а не кротость, — и насмешливая трезвость даже в минуты высокого торжества. Величавая скорбь и вечно молодая озорная улыбка. Женственность самая нежная и мужество самое отважное. Сильная изящная мысль ученого, ясновидение строгой пророчицы и неподдельно наивное изумление перед красотой земли и тайнами жизни и та древняя ведовская одержимость, когда чародейка и сама зачарована любовью, дыханием земли, колдовскими ладами озорного слова.

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло,
Но еще ни один не сказал поэт,
Что мудрости нет, и старости нет,
А может, и смерти нет.

Анна всея Руси, венчанная двойным венчанием — терновым венцом и звездной короной поэзии.

Ее поэзия целостна и многолика, она растет из живых противоречий, из единства неостудимо пылающего смятенного сердца и разума блистательного, как снег на вершинах гор. Она открыта, распахнута настежь и сокровенна, таинственна, как сама жизнь. Ее жизнь исполнена безмерных страданий и беспримерных побед, часов горя и мгновений счастья, — жизнь противоречивая и прекрасная, как поэзия.

В ее стихах живут напевы русских песен — скорбных плачей, и тихих молитв, и лукавых частушек, — безысходная острожная тоска и та светлая радость, что всегда с тенью печали; дыхание русских лесов и рек; белые ночи; строгие ритмы петербургского гранита и темных садов; шелест царскосельских рощ и разрывы снарядов на улицах блокадного Ленинграда... Все, все это живет в стихах Ахматовой. Они глубоко своеобразны. В самых несходных между собою — по настроению, по темам, ритмам, словарю, — всегда явственно ощутим особенный Ахматовский лад, звучит единствен-

ный, неповторимый голос. И вместе с тем всегда очевидно живое кровное родство с Пушкиным — родство прямого поэтического потомка, родство слова и мироощущения, глубоко национального, но именно поэтому вселенского.

Поэзия Анны Ахматовой олицетворяет Россию не только тем, что запечатлела природу, историю и современность России, ее бытие и быт, боли и радости. Но и тем, что воистину по-русски охватывает весь мир, — любовью и мудростью обнимает Европу и вселенную. Достоевский в речи о Пушкине сказал: „Назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит... стать братом всех людей, **всечеловеком**”.

В Анне Ахматовой так же, как в Блоке, Цветаевой, Мандельштаме, Маяковском и Пастернаке жива эта пушкинская „всемирная отзывчивость”, о которой говорил Достоевский.

В ее стихах живут — именно живут — образы древней Эллады и Рима, библейского Востока, давней и современной Европы. Музы Данте и Шекспира — это и ее музы. Страдания Лондона, пылающего под фашистскими бомбами, боль Парижа, захваченного гитлеровцами, — это и ее страдание и ее боль. С неподдельной любовью и с мудрым проникновением в душевный мир других народов, других эпох переводила она стихи древнего и современного Востока, поэтов всех славянских стран и поэтов Эстонии, Румынии, Норвегии.

И в каждой строке ее стихов и прозы и поэтических переводов чудотворствует „русская речь, великое русское слово”.

Величие Ахматовой тем более внятно и явственно, что проступает отнюдь не на тусклом фоне. Она ведь и наследница и современница, и соотечественница великанов. В небе русской поэзии, наш век сверкает несравненным созвездием. Блок, Гумилев, Хлебников, Есенин, Маяковский, Мандельштам, Цветаева, Пастернак... Ахматова замыкает ряд; завершает целую эпоху такого величия и богатства русского поэтического слова, которое по-настоящему оценят, пожалуй, только внуки и правнуки. Поэты, как звезды, угасая, продолжают светить все более далеким пространствам, все новым поколениям. И новые люди открывают в них новые оттенки спектра, новые частицы живой энергии. Ахматова бессмертна, как русское слово. А ее хулители осуждены либо на высшую меру полного забвения, либо на вечный стыд в геростратовой непарели комментариев к последнему тому академического полного собрания ее Сочинений.

Для всех, кто знал Анну Андреевну, кто испытал великое счастье видеть ее, слышать ее, для всех нас отныне жизнь стала бледнее, глуше, тусклее.

Однако и нам остается одно печальное и гордое утешение. Сегодня и верующие и неверующие равно убеждены в бессмертии ее души, в том, что отныне и присно и во веки веков будет все неоспоримее утверждаться величие ее творчества и жизни.

Вечная память. Нет, это не только слова молитвы — заупокойной скорбной мольбы и надежды. Это убежденное знание. Понимая и чувствуя первоизданную суть каждого слова, мы знаем и верим — ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ.

6 марта 1966 года.

ВРЕД ЦЕНЗУРЫ

В Президиум 4 съезда Союза писателей СССР.

1. Письмо А. Солженицына, обращенное к Съезду, представляется мне своевременным и заслуживающим серьезного обсуждения.

Считаю необходимым, чтобы Съезд и руководство Союза обратили внимание на следующие обстоятельства:

2. Деятельность Главлита в тех масштабах, которые она приняла за последние годы – вмешательство цензоров в тематику, содержание и стилистику художественных произведений – противоречит Основному Закону нашего государства.

3. Деятельность Главлита в ее конкретных конъюнктурных проявлениях и последствиях противоречит и решениям 3-х партийных съездов. Примеры: запрет произведений В. Гроссмана, А. Бека, К. Симонова, Е. Драбкиной; долгие мытарства и произвольные сокращения, которым подвергались произведения М. Булгакова, В. Каверина, В. Катаева, Е. Мальцева и других; запрещение упоминать одобрительно имена А. Солженицына, Б. Можаева, Ю. Оксман и т. д.

Каждый литератор может привести еще немало подобных примеров.

4. Деятельность Главлита вредит – и притом часто непоправимо – не только литературе, искажая художественные произведения, деморализуя авторов и редакторов, но и всему народу, так как подрывает доверие к печатному слову, воспитывает лицемерие, приспособленчество, равнодушные ко лжи, гражданскую безответственность.

5. Деятельность Главлита в ее нынешнем состоянии, т. е. беспримерное и противозаконное расширение прав цензуры, не укрепляет государство, а дискредитирует его.

Административными средствами можно создать видимость порядка, единства, дисциплины. Но только видимость и только на короткое время.

Пора бы нам уже научиться извлекать уроки из исторического опыта, чтобы, заботясь об устранении сегодняшних малых затруднений, не создавать почвы для завтрашних, более значительных.

23 мая 1967 года.

Примеры запретов.

В. Гроссман – вторая часть романа „За правое дело“; рукопись была „арестована“ после обыска КГБ; частично опубликована в журнале „Континент“ (1976).

А. Бек – роман „Новое назначение; опубликован на Западе.

К. Симонов – военные дневники; опубликованы позднее со значительными купюрами.

Е. Драбкина – „Зимний перевал”, очерки о последних годах жизни Ленина; опубликованы позднее с купюрами.

ВОЗМОЖНА ЛИ РЕАБИЛИТАЦИЯ СТАЛИНА?

Ответ на вопросы работника редакции журнала „Тагебух“ (Вена).

Дорогой друг, Вы писали мне с большой тревогой о тех публикациях в советской печати, которые произвели на Вас „крайне неприятное впечатление“. Вы называете статью Деборина и Тельпуховского („Вопросы истории КПСС“ №9, 1967 г.), мемуары Ворошилова („Октябрь“ №10), романы В. Закруткина и В. Кочетова („Октябрь“ №6 и №10), книгу Кочетова „Город в шинели“ и поэму С. Смирнова („Москва“ №10, 1967 г.). Во всех этих публикациях, различных и по темам и по жанрам, Вы усматриваете выражение одной и той же тенденции – желание реабилитировать Сталина. Совершенно естественно, что Вы не только огорчены, но и серьезно озабочены тем, что вопреки всему, что стало известно за последние 14 лет, вопреки опыту миллионов людей и неопровержимым документам, все же находятся советские публицисты и беллетристы, которые полагают возможным утверждать, будто Сталин, хотя и допустил „некоторые ошибки“, но его деятельность в общем и целом была прогрессивна, полезна и нашей стране и мировому рабочему движению. Вы хотите знать, что я об этом думаю. Попытаюсь, по возможности коротко, ответить на Ваш вопрос.

Я думаю, что Вы правы, резко осуждая неисправимых служителей сталинского культа. Но я надеюсь, что их усилия напрасны и Ваши опасения окажутся преувеличенными.

Защитники Сталина апеллируют к объективной исторической правде. Мол, разве не Сталин возглавлял партию и государство в годы индустриализации, Отечественной войны, в годы бесспорных достижений и побед?

Взывая к исторической справедливости и ссылаясь на необходимость воспитывать новые поколения в духе социалистического патриотизма, в уважении к революционным традициям, они считают даже своим долгом утверждать, будто Сталин был выдающимся государственным деятелем и стремился быть только полезным делу социализма и нашей Родине.

Однако, рассматривая все ныне уже общеизвестные факты, следуя принципам исторической марксистской науки и учитывая действительное воздействие этих фактов на идеологию и нравственное сознание молодежи, нельзя не признать, что любые попытки реставрации сталинского культа могут привести лишь к последствиям диаметрально противоположным тому, на что рассчитывают самые благонамеренные реставраторы.

+++

Возникновение и развитие культа Сталина в 30-е и 40-е годы было след-

ствием многих объективных и субъективных предпосылок.

– Миллионы людей были убеждены в том, что наша страна – это одинокая крепость, осажденная смертельными врагами и поэтому считали необходимой максимальную централизацию управления, укрепляемую железной дисциплиной.

– Успехи промышленного и культурного строительства у нас, особенно выделявшиеся на фоне всемирного экономического кризиса и наступления фашизма, служили аргументами для тех, кто утверждал, что все наши беды и лишения – только случайные неполадки или следствие вредительства, зато все достижения суть плоды гениального руководства „корифея всех наук”.

– Доверие к печати и государственному аппарату – к ведомству государственной безопасности, прокуратуре и судам – было массовым и у большинства людей подавляло и память и сомнения даже тогда, когда вчерашних вождей и героев называли изменниками, шпионами, врагами народа, когда перекраивалась история и Сталину приписывали подвиги, которых он никогда не совершал, а его противникам – преступления, в которых они были неповинны.

– Слепое доверие укрепляли массовые репрессии. Одних они запугивали, а других убеждали в том, что коварные враги вездесущи, что любые колебания в правильности слов и поступков вождя, либо даже только недостаточно жестокие расправы с колеблющимися и сомневающимися помогают врагам.

– В условиях войны и в предвоенные годы все эти объективные и субъективные предпосылки усиливались и естественно и искусственно. Например, я принадлежу к тем, кто именно во время войны полюбил Сталина. Он был главой нашего государства, нашей армии. И мы олицетворяли в нем нашу веру в свои силы, нашу надежду на победу, нашу любовь ко всему, за что мы боролись и готовы были умереть. Мы приписывали ему все достоинства, которые видели в лучших из наших товарищей. И мы поверили в миф о великом всезнающем вожде потому, что хотели иметь такого вождя. Мы сами создавали этот миф, кто сознательно, а кто бессознательно. И даже те из нас, кто не был убежден в его реальности, был зато убежден, что именно такой миф – это историческая необходимость, полагая, что наша победа невозможна без неограниченной веры в вождя, в его абсолютный авторитет.

Понадобилось много лет и два партийных съезда, понадобилась историческая дистанция для того, чтобы мы могли по-настоящему оценить опыт прошлого. И в свете фактов, которые стали известны за время после 1953 года, мы окончательно поняли, какого гнусного „голового короля” наряжало наше слепое доверие, наш фанатизм и как дорого этот миф обошелся нашей стране и международному рабочему движению.

Двадцать или еще десять лет тому назад можно было, не зная фактов, либо стараясь обмануть себя мнимо-диалектическими софизмами, выступать одновременно и за социализм и за Сталина, желать блага советской стране и вместе с тем верить в мудрость сталинской политики. Сегодня это уже невозможно. Все, что стало известно за последние годы, когда были опубликованы ранее скрывавшиеся документы, свидетельства тысяч людей, в том числе и старых коммунистов, — раз и навсегда уничтожило мифологию сталинского культа.

— Сегодня общеизвестно и однозначно доказано, что именно тираническое некомпетентное вмешательство Сталина в руководство сельским хозяйством в 1929-33 г.г. и после войны приводило к голодовкам, к разрушению экономических основ не только индивидуальных, но и коллективных крестьянских хозяйств.

— Сегодня общеизвестно и доказано, что именно по воле Сталина в 1935-40 годах были арестованы, сосланы, заключены в лагеря миллионы, а казнены или замучены — сотни тысяч людей, и среди них подавляющее большинство ведущих командиров Красной армии, большинство опытных и образованных руководителей промышленности. В эти годы в сталинских тюрьмах и лагерях было заключено больше коммунистов, чем во всех капиталистических и фашистских странах вместе взятых.

Подавляющее большинство делегатов всех партийных съездов, в том числе 17-го, непосредственно предшествовавшего началу массового террора, большинство членов ЦК, членов республиканских правительств, краевых и областных партийных комитетов были арестованы и осуждены как „враги народа”; многие погибли.

— Сегодня общеизвестно и доказано, что именно Сталин пытался превратить пакт о ненападении и дружбе с Германией в 1939-41 году в агрессивный союз с Гитлером; называл его противников „империалистическими агрессорами” и запрещал всякую антифашистскую пропаганду. Он, будучи патологически подозрительным, не доверяя своим давним друзьям и товарищам (Енукидзе, Орджоникидзе, Постышеву, Тухачевскому и др.) по непостижимым причинам был исполнен наивного доверия к Гитлеру настолько, что пренебрег многочисленными предупреждениями, поступавшими по разным каналам, пренебрег точнейшими данными агентурной разведки и обрек нашу армию на тяжкие поражения, всю страну, весь народ на страшные потери и жертвы.

— Сегодня общеизвестно и доказано, что в послевоенные годы, по воле Сталина, снова миллионы людей подверглись жестоким репрессиям. Целые народности: немцы Поволжья, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, крымские татары и крымские греки были изгнаны из родных мест, были оклеветаны и сосланы именно как народности. Подавляющее

большинство бывших советских военнопленных, и среди них недавние заключенные фашистских концлагерей были сурово наказаны как изменники родины, отправлены в тюрьмы и каторжные лагеря. Их трагическая судьба воплощена в „Иване Денисовиче” — герое повести Солженицына.

— Сегодня общеизвестно и доказано, что Сталин затеял клеветническую травлю Югославии и старался перенести методы ежовско-бериевского террора в Польшу, Болгарию, Венгрию, Румынию и Чехословакию.

+++

Вот почему сегодня оправдывать и возвеличивать Сталина — значит клеветать на социализм.

Сегодня защищать Сталина могут лишь те чрезвычайно наивные простаки из престарелых сановников, военных и штатских пенсионеров, которые рассуждают подобно анекдотическому персонажу Достоевского: „Если Бога нет, то какой же я штабс-капитан?“, — либо уж вовсе бессовестные циники, сторонники иезуитского принципа „цель оправдывает средства“, не желающие понять, что сталинские „средства“ уже сами по себе отрицают цели, на которые ссылаются для их оправдания.

— Сегодня пытаются реабилитировать Сталина, повторять сказки о его добродетелях, сказки, разоблаченные множеством документов, опубликованных после 20-го и 22-го съездов партии и лгать о его преданности Ленину, как лгут Закруткин и Кочетов, — означает лишь снабжать пропагандистским оружием врагов коммунизма, идеологически подыгрывать им и вместе с тем воспитывать у нашей молодежи цинизм, лицемерие или гражданское двоедушие и возбуждать презрительное недоверие именно к тем идеям, которым реставраторы культа личности клянутся в верности.

— Вот почему такие мемуары, статьи, стихи, беллетристика, о которых пишете Вы, независимо от субъективных намерений авторов, объективно вредят нашей стране и нашей партии, вооружают ее противников, разоряют или отталкивают друзей.

Что можно предпринять против этого? Опыт истории свидетельствует, что любая идеологическая цензура всегда лишь приносит вред здоровым силам культурного развития. Еще более вредны административные преследования по идеологическим поводам. Поэтому я убежден, что недопустимо требовать, чтобы запрещали произведения, подобные упомянутым выше, чтобы их авторов как-то ограничивали или наказывали. Это означало бы применять к последышам сталинщины их же собственные методы и тем самым возрождать сталинщину под иной вывеской. По-моему, необходимо нечто совсем иное.

Существенно ослабить вред, причиняемый такими произведениями и предотвратить опасное расширение подобной идеологии может только объективное, критическое исследование и в нашей печати и в печати братских

партий. Неисправимые служители и реставраторы сталинского культа больше всего опасаются именно свободного обмена мнениями, боятся гласности, боятся конкретной исторической правды и настоящей марксистской критики. Не нужно мешать ни Дебориным, ни Кочетовым, никому из им подобных, сочинять и публиковать все, что им нравится, но нельзя мешать и тем, кто хочет их оспорить. Только так можно воспрепятствовать возрождению сталинщины. А препятствовать необходимо и для нашей страны и для всех ее друзей, для дела социализма во всем мире.

ГОСБЕЗОПАСНОСТЬ, ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Письмо в Секретариат ЦК КПСС

Копии: Президиуму Верховного Совета СССР, Генеральному Прокурору СССР, Президиуму Верховного Суда СССР, Президиуму Верховного Суда РСФСР, адвокатам Б. Золотухину и Д. Каминской.

За все, что совершается от имени советского государства, несет ответственность каждый гражданин и тем более каждый член КПСС. Сознывая эту ответственность, я считаю своим гражданским и партийным долгом, несмотря на то, что все мои прежние попытки таких обращений остались без ответа, вновь писать вам, потому что не могу поступить иначе.

1. Судебный процесс по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского, Лашковой принес новый ущерб престижу нашего государства, стал для нас новым поражением в той идеологической борьбе, которая идет во всем мире и у нас в стране.

2. Этот процесс свидетельствует о том, что его устроителей ничему не научил политический опыт процессов Бродского, Синявского, Даниэля, Хаустова, Буковского и др. Снова нашлись следователи, прокуроры и судьи, которые дают аргументы нашим противникам и возбуждают колебания, разочарование и возмущение в рядах союзников и друзей.

3. Таким образом, этот процесс вновь подтверждает исторический урок: всякий раз, когда идеологическую борьбу и политико-воспитательную работу начинают „подкреплять” — и, значит, неизбежно подменять, — административно-репрессивными средствами, всякий раз, когда ведомство госбезопасности, прокуратура и суды начинают вторгаться в культурную жизнь для преследования „идеологических диверсий”, это приносит неисчислимый вред как нашей культуре и международному престижу, так, в конечном счете, и собственно государственной безопасности.

а/ В 1935-40 г.г. по обвинению в идеологических преступлениях были арестованы сотни тысяч советских граждан, в том числе и множество ученых, литераторов, мастеров искусств, гибель или длительное заключение которых существенно обеднили нашу культурную жизнь, ослабили нашу науку.

б/ Но в те же самые годы фашистская разведка действовала весьма эффективно, в чем нам пришлось убедиться, когда началась война. Настоящим шпионам только благоприятствовали истерическая шпиономания, охота на мнимых „врагов народа”, весь тот панический, универсальный, но именно поэтому самоубийственно бесплодный произвол, который в народе называют ежовщиной, бериевщиной, а точнее всего — сталинщиной.

в/ Подготовка таких процессов, преследования талантливых молодых

литераторов и случайных прилитературных озорников, фрондирующих студентов, школьников, „смогистов”, психически неуравновешенных людей и т. п. сами по себе становятся игрой в „идеологические поддавки” и вместе с тем ослабляют энергию, необходимую, чтобы своевременно предотвращать реальный вред, приносимый субъектами вроде Пеньковского, Рунге и т. п.

4. Понятия *справедливость* и *гуманность* у нас, к сожалению, все еще принято считать абстрактными, относительными; понятие „ленинские принципы” так часто употребляется всуе, что для многих и впрямь стало риторической абстракцией; поэтому взываю только к политическому здравому смыслу, к трезвому осознанию действительных интересов государства и партии, исходя прежде всего из этих интересов.

а/ Необходимо пересмотреть решения судов, которые принесли и продолжают приносить нам вред.

б/ Необходимо отстранить от работы прокуроров, следователей и судей, ответственных за эти процессы.

в/ Необходимо предать гласности обстоятельства, сделавшие эти процессы возможными, подробно осветив точки зрения как обвинения, так и защиты. Той части нашей общественности, которую несомненно дезориентировала предшествующая информация газет и пропагандистов, следует объяснить, почему репрессии, применяемые как средства идеологической борьбы и воспитания, оказываются только вредны.

г/ Необходимо отстранить ведомства охраны общественного порядка, госбезопасности, прокуратуру и суды от вмешательства в идеологическую борьбу и культурную жизнь. Ведь есть многообразные партийные, общественные, научные и творческие организации, есть многочисленные кадры квалифицированных журналистов, ученых, литераторов, пропагандистов и др., которые на 54-м году существования нашего государства могут и должны вести идейную полемику и политико-воспитательную работу, не прибегая к аргументам тюрем и лагерей.

д/ Необходимо, наконец, понять, что все, кто настаивает на подобных судах и приговорах и вообще на административных репрессиях в подобных случаях, тем самым только дискредитируют государство, объявляют его идейно и нравственно несостоятельным, утверждая, что для его защиты нужен произвол.

Февраль 1968 года.

Ответа на это письмо не было. Но 17 апреля 1968 г. Секретариат правления Московской писательской организации вынес мне строгий выговор. В сообщении об этом заседании Правления было, в частности, сказано: „Секретариат... отметил, что в некоторых заявлениях содержится откровенная клевета на характер общественных процессов в нашей стране. Например, в заявлении Л. Копелева указывалось, что у нас „ленинские принципы так часто употребляются всуе, что для многих и впрямь стали риторической абстракцией.” И это произносится с таким апломбом, будто не партии и ее ре-

шениям мы обязаны успешной борьбой с последствиями культа личности, а тем клеветникам, которые позволяют себе поучать весь наш идеологический фронт и предъявлять постыдные обвинения советской общественности. Естественно, что такого рода заявления и политические фальсификации, передержки вызвали законный гнев и протесты, которые содержатся в письмах трудящихся”.

Непонятным осталось, как могли „трудящиеся” узнать о моем письме, которое тогда еще нигде не было ни оглашено, ни опубликовано.

ОТВЕТ СТАЛИНЦУ

Выступление на собрании Секции прозаиков Московской организации Союза писателей во время выборов Бюро секции 13 марта 1968 года.

Я хочу дать отвод Горбачеву. Этого человека я сегодня вижу в первый раз, но считаю необходимым дать ему отвод — политически необходимым. Он выступил здесь от имени редколлегии журнала „Москва” и безоговорочно защищал опубликованную этим журналом поэму Сергея Смирнова и очерк Чивилихина. Поэма, очерк и все выступление Горбачева представляют вполне определенную политическую линию — стремление реставрировать культ Сталина. Эта линия противоречит решениям двух партийных съездов — 20-го и 22-го, подтвержденным 23-м. Горбачев и те, кого он защищал, пытаются реабилитировать Сталина. Это вовсе не вопрос истории, а очень злободневная проблема. Тот, кто сегодня вопреки общеизвестным фактам пытается реабилитировать Сталина, помогает злейшим врагам нашей страны, помогает маоистам, прямым наследникам сталинщины, помогает западно-немецким реваншистам, которые, ссылаясь на высказывания и политическую практику Сталина, пытаются реабилитировать Гитлера. Я считаю, что человек, вольно или невольно содействующий реставрации сталинского культа, не должен участвовать в руководстве нашего объединения. Поэтому я буду голосовать против Горбачева и призываю других поступать так же.

На это выступление никто не возразил, несмотря на предложение председателя. Открытым голосованием и подавляющим большинством голосов кандидатура Горбачева была отстранена.

РАЗГОВОР В МОСКОВСКОМ КОМИТЕТЕ КПСС

Запись разговора с Ю. Н. Верченко¹ в Московском городском комитете КПСС 18-го марта 1968 г. в 15.00.

В. Здравствуйте. К сожалению, нам с вами не удалось познакомиться раньше по издательским делам.²

К. Но я вам благодарен за издание моего „Брехта“.

В. Однако книга подверглась критике.

К. Да, была поганая статья Дымшица. Но были и другие отзывы.

В. Да, статья Дымшица была действительно несколько слишком... Но в ней есть и рациональные зерна. Однако я пригласил вас сегодня для того, чтобы говорить по другому поводу, к сожалению, значительно менее приятному и для вас и для нас. Хочу говорить с вами по поводу ваших писем и выступлений. Ведь вы писали письма?

К. Какие именно вы имеете в виду?

В. Письма по поводу последнего процесса. В Секретариат ЦК, в Верховный Суд и даже адвокатам. Потом вы подписали еще одно письмо, обращение, кажется, в Верховный Совет о том, что на процессе была нарушена законность. Еще вы писали в „Тагехух“, передавали интервью и, наконец, недавно, кажется, в пятницу, вы выступали в Союзе писателей.³ Я должен вам сказать, что взгляды, которые вы высказывали в этих письмах и в этом выступлении, ваше утверждение, будто у нас происходит реставрация сталинизма и что процесс был незаконным, и оценки нашего исторического прошлого — все это противоречит линии нашей партии. Мне это очень неприятно говорить, но это именно так.

К. Не могу с вами согласиться. Линия партии для меня определяется ее программой, решениями съездов и соответствующими документами. В письмах, о которых вы говорите, в ответах на вопросы журнала „Тагехух“ и в отводе, который я дал на предвыборном собрании Горбачеву, я защищал именно партийную линию, защищал ее от явных попыток реставрации сталинизма или, как у нас говорят, „культа личности“. Такие попытки в последнее время предпринимаются все чаще. Например, под предлогом юбилейного года в многотиражных журналах „Октябрь“, „Москва“, „Огонек“, иногда и в газетах. Да что я вам буду перечислять — вы сами отлично знаете. И к этим попыткам имели прямое отношение процессы. Решения 20-го и 22-го съездов, подтвержденные 23-м, требуют восстановления ленинских норм партийной и государственной жизни, требуют восстановления законности и борьбы против культа личности и его последствий. Но этот процесс так же, как процесс Синявского и Даниэля, грубо нарушает нашу законность, а выступления, вроде выступлений Смирнова,

Чивилихина, Горбачева, прямо направлены к реабилитации Сталина.

В. Нет, это не так. Я сам был на процессе. Там все доказано. Наше государство не может позволять, чтобы против него беспрепятственно вели борьбу вражеские силы, чтобы распространяли антисоветскую литературу, устанавливали связи с антисоветскими зарубежными организациями.

К. Но ни Галансков, ни Гинзбург ничего этого не делали. Их в этом даже не обвиняли. Гинзбург собрал материалы по делу Синявского и Даниэля и направил их в наши организации.

В. Нет, их обвиняли и доказали... все это одна шайка. Я был на процессе, а вы не были. Откуда вы знаете?

К. То, о чем я говорю, я знаю из разных источников. А вас, простите, видимо, дезориентировала атмосфера, созданная на процессе. Неужели можно всерьез говорить об опасности антисоветской организации, которая посылает своего агента „на связь” через десять месяцев после того, как уже были арестованы те, с кем он должен был связаться? Об этой комедии писали во всем мире. Это очень грубая провокационная работа.

В. Опасная или не опасная, но это вражеская, антисоветская организация. Она существует за рубежом, она ведет борьбу против нашей страны. Я был на процессе, я видел этих очень неприятных субъектов.

К. Допускаю, что они неприятные, может быть, даже очень. Но ведь это не уголовно наказуемые качества. А мне, и не только мне, как вы тоже знаете, доподлинно известно, что ни Галансков, ни Гинзбург никакого отношения к этой организации не имели. Однако, я вижу, нам не убедить друг друга.

В. Да, вы меня убедить не можете. Но вернемся к главному: вы утверждаете в ваших письмах и выступлениях, что у нас происходит реставрация сталинизма, вы пытаетесь перекинуть мост от тех нарушений законности и несправедливых репрессий, которые происходили во время культа личности, к нашей сегодняшней жизни. Вы обвиняете наши журналы и писателей — партийные журналы и партийных писателей — в том, что они нарушают решения съездов; а между тем, это не так. Да, совсем не так. Напротив, в действительности, это вы сами нарушаете решения партийных съездов. Было специальное решение ЦК о культе личности и его последствиях, сразу после 20-го съезда. В нем указывалось, что необходимо объективно рассматривать все стороны деятельности Сталина. Ведь в те же годы наша страна и наш народ имели крупнейшие достижения в строительстве, побеждали на фронтах Отечественной войны. Вы же не станете отрицать этого?

К. Нет, я за объективное рассмотрение, за объективные оценки. Но вот в вашем издательстве вышла книга о Бела Куне и в ней изъят конец, последняя глава о том, как погиб Бела Кун. А между тем, в Венгрии и других странах книга вышла полностью. Вот такие операции действительно помогают вражеской пропаганде. В тех журналах, о которых я говорил, преступления Сталина замалчиваются. И не только в этих журналах. В

прошлом году все статьи в газетах, посвященные юбилеям партийных и научных деятелей, которые были убиты при Сталине, попросту умалчивали об этом.

Нет, это не я перекидываю мостики от прошлого к настоящему, а такие судьи, которые пытаются возрождать прошлое, и такие литераторы, которые пишут так, как будто не было ни 20-го, ни 22-го съезда.

В. Вы что же, хотите доказать, что в прошлом у нас не было никаких достижений, что наш народ не осуществил великое строительство, не победил в Отечественной войне?

К. Были великие достижения, были победы. Но не благодаря, а вопреки Сталину. Так же, как 200 лет жил и строил народ государство вопреки монгольскому игу, как потом народ 200 лет жил вопреки крепостному праву, — так же 25 лет жил, строил и побеждал народ вопреки сталинщине. Но лично сам Сталин был самым жестоким, самым коварным и самым губительным тираном за всю историю нашей страны.

В. С таким сравнением я не могу согласиться. Вот вы ссылаетесь на партийные съезды. Я достаточно знаком с прошлым нашей партии. Я надеюсь, что и вы знаете статью Ленина о партийной организации и партийной литературе. Каждый литератор имеет свои мнения и может высказывать их. Но и партия может избавляться от таких литераторов, которые не разделяют ее программы и чьи поступки противоречат ее линии.

К. Ко мне это не имеет отношения. То, что я писал и говорил, — я писал и говорил по долгу коммуниста. Это совсем не моя профессия. Сейчас мне нужно писать большую работу о Гете. И все эти выступления только мешают моей основной работе. Вот, например, меня сейчас не пускают в ГДР, в Веймар. А мне необходимо туда поехать, необходимо для работы, которая составляет главный смысл моей жизни. Не пустили меня, конечно, из-за писем. И от этого разговора сегодняшнего с вами я ничего хорошего для себя не жду. Но выступать против беззаконий, против попыток реставрации сталинщины — это мой долг коммуниста. Поймите меня: мне это не доставляет никакого удовольствия и ничего хорошего не сулит лично мне, но это объективная и субъективная необходимость. Объективная — потому, что я знаю, какой вред это приносит нашей партии и стране. По поводу процессов я писал еще в 65 году, после партсобраний в институте, на котором выступал Куницын; я тогда написал в ЦК, что судебное преследование Синявского ничего, кроме вреда, не принесет. И ведь оказался прав. Давайте попытаемся рассуждать с точки зрения здравого смысла и действительных интересов партии и государства, независимо от того, как оценивать книги Синявского и Даниэля. Вы их считаете вредными, антисоветскими, я их такими не считаю. Но если даже согласиться с вами, то ведь эти процессы в сотни и тысячи раз увеличили их вредность, увеличили их тиражи. Например, в странах немецкого языка не было ни одного книжного издания, произведения Синявского и Даниэля до 66-го года были там опубли-

кованы только в немногих малотиражных журналах, вроде „Монат”. Некоторые западно-немецкие критики относили их к литературе соцреализма, а после процесса — вышли книги несколькими изданиями, огромными тиражами. Да в одной только Италии тираж книг Аржака-Даниэля достиг 8-ми миллионов. И теперь после процесса они действительно работают против нас. Но кто в этом виноват?

В. Ну что же, враги всегда используют любые события в нашей стране; используют сложные, трудные условия, которые мы переживаем. Враги хватаются за все.

К. Да никакие враги не причинили нам столько вреда, сколько мы сами себе приносим. Этими процессами мы играем в идеологические поддавки. Мы даем аргументы врагам и отталкиваем друзей, вызываем протесты английских, французских, итальянских коммунистов.

В. Они дезориентированы, их неправильно информируют.

К. Простите, но я думаю, что вы сами знаете, что они куда лучше и полнее информированы, чем читатели наших газет. Ведь они-то прочли книги, о которых шла речь. Так неужели же столько наших друзей, столько зарубежных коммунистов — дураки, которые не понимают, что полезно, а что вредно делу социализма?

В. Нет, ну зачем же дураки?! Совсем не нужно быть глупым, чтобы допустить политическую ошибку. Я и вас знаю, как отнюдь не глупого человека, ученого, доктора искусствоведения...

К. Я только кандидат.

В. Ну вот видите, а я вас даже доктором считал.

К. Я хочу продолжить. Кроме объективной необходимости, которая побуждает меня так писать и так выступать потому, что я считаю это своим партийным долгом, существует и субъективная необходимость. Формально я член партии с 57-го года, но в кандидаты я вступал еще на фронте, еще в 1942-м. И все это время я был сталинцем. Да и еще раньше. Я участвовал во всем, что у нас происходило. Участвовал в создании культа личности, служил этому культу. Я тоже писал и кричал: „За родину, за Сталина!” Этой личной ответственности с меня никто не может снять. На партсобрании в Союзе, после 22-го Съезда Михалков сказал, что он не считает себя повинным в культе личности. Тогда же я возразил ему и говорил, что я, напротив, сознаю свою вину, хотя и отсидел 10 лет в сталинских тюрьмах и лагерях. Но и там я оставался сталинцем. И скажу начистоту, 20-й съезд был для меня ударом. Я не сразу пришел к тем мыслям, которые высказываю сейчас. Я много думал, читал, изучал документы и стенограммы партсъездов, перечитал почти все работы самого Сталина. И вот сегодня для меня это уже не только субъективная, но и объективная необходимость — сопротивляться любым формам реабилитации Сталина, реставрации его культа, всеми средствами, которые мне предоставляют партийный устав и советская Конституция.

В. Никакой реставрации нет. Вот это и есть ваша политическая ошибка. Вы обвиняете в реставрации, вы клеите политические ярлыки, вы применяете те же методы, которые сами же осуждаете. Вы предъявляете политические обвинения журанлам и т. Горбачеву, но мы здесь, в Московском комитете, — я выражаю не только свое мнение, — мы считаем, что эти журналы осуществляют партийную линию. А вот вы действуете так, что приносите вред партии. И я вынужден повторить то, что говорил вначале: вольно или невольно вы помогаете нашим врагам.

К. С этим я не могу согласиться, это противоречит фактам. И я не клеил никаких ярлыков, а только оценивал конкретные факты. Горбачев на собрании пытался защищать Сталина, его прогнали с трибуны. После этого я давал ему отвод.

В. Стенограммы я еще не читал; мне только сообщили о вашем выступлении.

К. И я нигде не писал и не говорил, что у нас происходит реставрация сталинизма. Я только пытаюсь предостеречь, говорю о конкретных попытках такой реставрации, о конкретных фактах нарушения ленинских принципов. Именно об этом я писал в ЦК. Вмешательство работников ведомства Госбезопасности в вопросы идеологии, культуры, литературы — это и есть грубейшее нарушение ленинских принципов...

В. Ну что вы говорите?! „Ведомство Госбезопасности” так отечески, с такой чуткостью подходит к этим вопросам...

К. Но оно никак не должно подходить. Оно вообще не должно вмешиваться. Вот это и есть ленинские принципы. В свое время именно благодаря таким принципам, благодаря личным усилиям Ленина, удалось привлечь на сторону советской власти тех писателей, которые были активными противниками Октябрьской революции, притом вполне зрелыми писателями, — как, например, Горький, Алексей Толстой, Эренбург, Шкловский. Но Ленин никогда не прибегал к помощи ЧК или трибуналов в идеологической борьбе, в спорах с литераторами, даже самыми отъявленными противниками.

В. Как вы можете называть Шкловского противником советской власти? И относительно Горького я с вами не согласен. То было другое время, были разные партии. Как можно сравнивать?!

К. И можно и нужно сравнивать. В то время наше государство и партия были неизмеримо слабее. И любые выступления таких литературных противников должны были считаться куда опаснее, чем сейчас. Но Ленин не допускал и мысли о карательных мерах даже тогда, когда Горький открыто резко протестовал против суда над эсерами. А ведь их обвиняли в вооруженной борьбе, в терроре. И Горький не только сам выступал — он призывал Роллана, Франса и других зарубежных друзей протестовать.

В. Горький сам осознал свои ошибки. Вы же знаете, как он их исправил в последующие годы.

К. Осознал именно потому, что его переубедила ленинская политика, т.е. политика без репрессий, без преследований идеологических противников. Самым непримиримым из них было предложено уехать за границу. Как например, Бердяеву, Бунину, Куприну.

В. Вот и Тарсиса мы выслали за границу.

К. И очень хорошо сделали. Как бы он там ни активничал, но сегодня от него в сто раз меньше вреда, чем от того факта, что Синявский и Даниэль еще сидят в лагере.

В. Сидят и будут сидеть, пока не отсидят свой срок. А заступаться за них — это и значит помогать врагам.

К. Наоборот. Именно тот факт, что у нас нашлись люди, которые заступаются за неправильно осужденных, — это служит для наших зарубежных друзей лучшим доказательством того, что все же произошли существенные изменения после Сталина, что не может быть возврата к прошлому. И, напротив, такие суды, такие статьи и стихи, против которых я возражал, служат аргументами врагам, утверждающим, что у нас ничего не изменилось, что и теперь все так же, как при Сталине. А такие письма, которые и я подписывал, и наши выступления против сталинистов доказывают обратное. Мое письмо напечатал коммунистический журнал „Тагебук“, а не реакционные газеты. Им это ни к чему, они скорее напечатают заметку о стихах Сергея Смирнова. Не реакционеры протестуют против процессов — они им только радуются, а протестуют наши друзья, прогрессивные литераторы, в том числе и коммунисты.

В. Я вынужден опять повторить вам — сейчас крайне сложная, трудная идеологическая обстановка. Враги хватаются за любые проявления у нас, которые они могут использовать. В этих условиях ваше поведение приносит вред. Я с вами здесь говорил как представитель отдела культуры Московского комитета, я хочу, чтобы вы серьезно задумались и приготовились к тому, что этот вопрос будет рассматриваться на бюро МК или в райкоме. Лично я считаю, но это не только мое мнение, что перебрасывать такие мостики, заниматься тем, что — уж простите! — принято называть демагогией, утверждать, что у нас реставрация культа личности, — несовместимо с пребыванием в партии.

К. А вы не думаете, что расправляться с коммунистом за то, что он прямо и откровенно высказал свои взгляды в письме, обращенном к партийному руководству, или открыто с трибуны, что это и есть реставрация сталинских порядков? Так же, как называть правду демагогией.

В. Почему „расправляться“, что это за выражение?

К. Потому что исключение из партии или даже строгое взыскание в данном случае и есть расправа. Ведь вы же понимаете, что завтра я не могу говорить по-иному, чем вчера. Это значило бы лгать, лицемерить. А я был, буду и могу быть только честным, только правдивым и с партией и с любым человеком. За это вы хотите меня исключать?

В. За честность никого не исключают. Но ваши взгляды, ваше поведение сегодня несовместимы с тем, что мы с вами носим в кармане.

К. Ну что ж, меня уже один раз исключали, в 45-м году, а через 12 лет восстановили. Я дожил до 20-го съезда, которого не ожидал. Надеюсь, что доживу до 24-го съезда, которого жду. Если мы встретимся с вами потом, я верю, что вам придется изменить свою точку зрения.

В. Я с вами разговариваю откровенно и серьезно. Однако, имейте в виду, что на Бюро с вами уже не будут дискутировать, а будут решать вопрос.

К. Почему же, все-таки, на бюро МК или райкома? Почему не в низовой организации? Ведь по уставу такие вопросы должны решать первичные организации.

В. Этот вопрос не минует и первичную организацию. У вас в институте, кажется, завтра собрание? На бюро Московского Комитета вас, видимо, вызовут послезавтра, если не будет задержки из-за городской конференции. До свидания.

Через два месяца после этого разговора я был исключен из партии решением бюро райкома Фрунзенского района г. Москвы.

¹ Ю. Н. Верченко в настоящее время – секретарь правления Союза писателей СССР. Тогда был зав. отделом культуры МК.

² В 1966 г. Ю. Верченко был директором издательства „Молодая Гвардия“, которое выпустило мою книгу о Брехте.

³ См. „Ответ сталинцу“.

ПРОЩАНИЕ С ПАРТИЕЙ

В бюро Свердловского РК КПСС

Первый секретарь РК тов. Б.В.Покаржевский задал мне 6 мая с.г. (по телефону) вопросы, на которые я отвечаю письменно, так как по состоянию здоровья не могу прийти на бюро РК.

1. Осенью 1967 г. ко мне обратились товарищи из журнала „Тагебух“, органа компартии Австрии, — в котором я и раньше сотрудничал, — с вопросом: что я думаю о появлении в некоторых советских журналах произведений, выражающих желание реставрировать культ Сталина. Австрийские товарищи писали, что эти публикации тревожат друзей СССР и служат аргументами для антисоветских и антикоммунистических пропагандистов, утверждающих, будто у нас происходит „реставрация культа“ и будто коммунизм несовместим с демократией, с исторической правдой, с гуманизмом и т. п.

2. Такие вопросы я не мог оставить без ответа. Моя основная профессия — исследование прошлой и современной западной культуры (театра, литературы, искусства), главным образом, на материалах стран немецкого языка (ГДР, ФРГ, Австрии, Швейцарии), моя военная специальность — пропаганда среди войск и населения противника; и в ГДР и в ФРГ работают мои бывшие ученики, которым я в годы войны помог из солдат и офицеров гитлеровского вермахта превратиться в деятельных антифашистов. Некоторые из них стали коммунистами. Товарищам из „Тагебух“ я написал подробное письмо, которое они и опубликовали.

3. На партийном собрании в Институте Истории Искусств 9 апреля в некоторых выступлениях извращался смысл этого письма. Мне приписывалось утверждение, будто у нас восстанавливается культ Сталина, тогда как в действительности я доказывал прямо противоположное — невозможность такого восстановления. Мне приписывались и нападки на писателя С.С.Смирнова, автора книг о героях Бреста, тогда как в вопросе „Тагебух“ и в моем отчете речь идет о другом литераторе С.В.Смирнове — авторе поэмы, опубликованной в журнале „Москва“ (будучи болен, я не присутствовал на собрании и узнал об этом только теперь).

Видимо, бюро РК получило также неправильную информацию, поскольку тов. Б.В.Покаржевский спрашивал меня об „интервью в западно-германской газете“. Поэтому я прилагаю дословный перевод текста, опубликованного в январско-февральском номере австрийского коммунистического журнала „Тагебух“. Считаю показательным, что до сих пор этот текст не был, насколько мне известно, перепечатан буржуазными газетами.

4. За все, что было высказано в этом письме, я и сегодня отвечаю полностью. Я убежден, что такой откровенный разговор, который ведется в нем с австрийскими товарищами, может быть только полезен и в любой другой аудитории. Суть этого разговора соответствует решениям 20 и 22-го съездов, подтвержденных решениями 23-го съезда и другими партийными документами. Напротив, попытки утаить и даже отрицать историческую правду, провозглашенную с трибун партийных съездов и запечатленную во многих неопровержимых документах и литературных свидетельствах, которые публиковались в течение 15 лет у нас и за рубежом, – могут лишь принести вред престижу партии и советского государства и делу социализма во всем мире.

5. По поводу обвинений, предъявленных мне в связи с письмом о процессе Галанскова, Гинзбурга и др., которые, якобы, используют враги, сообщая:

а/ Мое личное письмо, адресованное в секретариат ЦК, Верховный Совет, Генеральному прокурору и адвокатам не было нигде опубликовано, ни оглашено по радио. Суть этого письма заключалась не столько в защите осужденных, сколько в критике таких обстоятельств дела, которые позволили использовать его нашим идеологическим противникам.

б/ Я подписал также одно коллективное письмо Генеральному Прокурору, которое не было нигде ни оглашено, ни опубликовано.

6. Все, что я писал, отвечая австрийским товарищам, так же, как все, что я писал и говорил в статьях, книгах, научных работах, публичных выступлениях и письмах, обращенных в партийные и советские инстанции, определяется прежде всего моим сознанием гражданского и партийного долга, моей гражданской и партийной совестью.

Однако, сейчас я подвергаюсь незаслуженной и оскорбительной дискриминации. Так, например, в Институте Истории Искусств из подготовленных к печати коллективных сборников изымаются мои работы, уже обсужденные и утвержденные (например, статья о современных швейцарских драматургах Фрише и Дюренматте). Дирекция Института отказывает мне в отпуске, на котором настаивают врачи, хотя план моей научной работы перевыполнен, а состояние здоровья требует отъезда в санаторий.

7. Ввиду того, что я еще не оправился после резкого, продолжительного обострения болезни сердца, – которое было вызвано именно воздействием начавшейся „проработки”, и мне необходимо продолжать лечение в санаторных условиях, я не могу присутствовать при обсуждении моего дела.

7 мая 1968 года.

Я не знаю, как секретарь райкома поступил с этим заявлением. Через две недели, 20 мая бюро райкома заочно исключило меня из партии. Это решение я не оспаривал и поэтому даже не пытался узнать, как оно было мотивировано.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАГЕДИЯХ И ФАРСАХ

Из личного письма.

9-го января 1905 года тысячи петербургских рабочих шли к царскому дворцу просить царя о милосердии, о заступничестве. Они шли, веря и надеясь, глубоко почитая царскую власть. На их доверие ответили пулями, шашками, нагайками. Царские слуги убивали народную веру в царя.

Из тех, кто бежал тогда от расстрелов, от избиений, мало кто стал настоящим противником государства. Они разошлись по домам, уstraшенные, разочарованные, перестав надеяться, неспособные больше никому верить. Однако, позднее на смену им пришли другие, более молодые, более решительные. И они уже не хотели просить, не верили ни в царскую власть, ни в милосердие. Но тем более страстно верили в спасительность насилия, тем более решительно отрицали все, связанное с правительством, с государством... Так было.

В январе-феврале 1968 года несколько сот — едва ли больше тысячи — советских интеллигентов писали сообща и по-одиночке письма, обращенные к правительству, к руководству партии, в верховный суд и т.д. Они писали, упрашивая пересмотреть одно несправедливое судебное решение, один несправедливо суровый приговор, вынесенный трем молодым людям. А некоторые писали еще и возражая против насильственного заключения в психиатрическую больницу талантливого ученого А. Есенина-Вольпина, который пытался заступаться за этих осужденных.

Все писавшие и подписывавшие эти прошения уважали тех, к кому обращались, доверяли им и надеялись на них. Многие, едва ли не подавляющее большинство таких „подписантов” или „подписанцев” (эти новые слова появились нынешней весной) не столько жалели невинно осужденных, сколько заботились о престиже государства и партии. Однако им отвечали публичной бранью, угрозами, административными взысканиями, их исключали из партии и увольняли с работы.

Разумеется, они и теперь не станут врагами своего государства. Уstraшенные, разочарованные, перестав надеяться и неспособные больше верить, они вынуждены с бессильным отчаянием наблюдать, как усердствуют бездарные или своекорыстные прислужники этого государства. Их слепая привязанность к номенклатурным кормушкам побуждает безоглядно разить каждого, кто покажется опасным уже потому, что осмелились „свое суждение иметь” и, значит, может посягнуть на их привилегии. Они разят, не понимая, что это слепое неистовство расшатывает их собственный кров и он может обрушиться не только на злополучных просителей, тщетно пытающихся предостеречь, но и на их преследователей.

Те, кого сегодня исключают из партии, прогоняют из редакций и научных и учебных институтов, заносят в „черные списки” и т.д., не станут, конечно, союзниками зарубежных врагов, как, возможно, рассчитывают иные наследники „операции Трест”¹. Но расправы с просителями и жалобщиками, выступавшими открыто, не тая своих имен и адресов, несомненно возбуждают к деятельности иные силы. На смену доверчивым „подписанцам” раньше или позже, но неизбежно придут скрытые безымянные фанатичные противники того общественного строя, который так самоубийственно неуклюже защищают новоявленные охотники на ведьм. Много их сегодня — егерей, псарей и загонщиков, тех, кто из подлости или же из робости или по равнодушию участвуют в „проработках” и расправах. Меньше, чем было 20 лет назад, но все же много. Неужели никто из них не способен задуматься над уроками новейшей истории? Всего 10 лет тому назад, в 1958 году в Китае так же рьяно расправлялись с „правыми” элементами, с теми, кто открыто выступал против сталинизма и его китайских вариантов. Прошло несколько лет и сами китайские сталинцы, недавние грозные проработчики, стали униженными жертвами „культурной революции”, которую, по сути, и помогли вызвать.

Но ведь сегодняшний изуверский культ Мао и фанатизм хунвейбинов во всех их уродливых и страшных проявлениях, которые тем не менее находят немало сторонников и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке, и даже в странах Запада, — это прямые следствия непреодоленной, неразоблаченной до конца сталинщины. И в Китае и в Албании развиваются зловещие силы, подобные тем, которые породили Сталина-Ежова-Берию, развиваются в значительной мере именно потому, что не раскрывали и не преодолели по-настоящему и объективные и субъективные предпосылки сталинщины у нас.

В 1936 и 39 годах в ежовско-бериевских застенках погибли десятки тысяч верноподданных сталинцев, в том числе и те, кто немногим раньше сами беспощадно расправлялись и с настоящими и с мнимыми оппозициями, со всеми, кто недостаточно преданно служил или, как им казалось, мог в дальнейшем осудить режим бюрократического, террористического централизма. А сегодня те, кто не скупится на бранные слова для Мао и его маоистов, запрещают даже упоминать о кровавых злодеяниях Сталина и его приспешников.

Маркс писал, что в истории общества попытки повторить трагедию обычно становятся фарсом. 9-ое января 1905 года было трагедией. Расправы с „подписанцами” 1968 года — нелепый фарс.

Сталинский террор был страшной трагедией многих миллионов людей у нас и в странах Восточной Европы, был трагедией для всех честных коммунистов во всем мире. „Культурная революция” маоистов похожа скорее на фарс. Но в нашем веке и фарсы могут быть кровавыми, гибельными для множества людей. Усердия московских, ленинградских, киевских,

новосибирских и прочих режиссеров, разыгрывающих сегодня фарсы обличения „подписанцев” могут уже завтра вызвать буйную самодеятельность отечественных хунвейбинов либо иных бесов — подобных тем, которые ужаснули Достоевского, — бесов новой сталинщины или шовинизма, анархии или националистического фашизма.

Отказ от гласности, ужесточение цензуры, расправы с теми, кто открыто высказывает критические суждения о конкретных несправедливостях, — пусть даже эти суждения ошибочны, — все это утверждает полную безответственность „номенклатурной” бюрократии, полную независимость управляющих от управляемых. И тогда становятся не только возможными, но и неизбежными новые злодеяния и новые бедствия. Их бессильна будет предотвратить даже самая многочисленная, самая совершенная тайная полиция.

Исторический опыт всех эпох — от римских преторианцев до ягдовско-ежовских держиморд, от фанатиков инквизиции до хунвейбинов, — свидетельствует о том, что такие „пожарные команды” чаще всего сами учиняют поджоги для того, чтобы оправдать свои претензии на безответственную власть, на особые привилегии и преимущества.

Если бы я был верующим, то сегодня молился бы истово и неустанно: Господи Боже, спаси Россию от новых тяжких испытаний!

Но что делать неверующему?

Май 1968 года.

¹Созданная в 20-е годы агентами ГПУ провокационная организация эмигрантов, которая привела к арестам и уничтожению действительных противников советской власти (Савинкова), но так же и случайных людей.

Дорогой Милан Кундера!

Поздравляю Вас с пятидесятилетием возрождения Вашего национального государства. От всего сердца желаю, чтобы и новые десятилетия и века народы Чехословакии не испытывали таких бедствий, какие выпали им на долю за эти полвека, но чтобы они сохранили те же особенности душевного строя, которыми сегодня восхищается мир — благородное мужество, бестрепетную стойкость, неугасимую любовь к свободе и правде.

Мне посчастливилось: я читаю по-чешски и по-словацки. Ваша литература мне с юности сердечно близка. О Гашеке, Чапеке, Ванчуре, Незвале я писал статьи, участвовал в переводах и изданиях их произведений, я переводил и Ваши работы — статью о современной чешской поэзии, главы из книги „Искусство романа”. Постоянно читая ваши газеты, я с волнением и радостью следил за тем, как в этом году благотворно обновлялась социалистическая Чехословакия, как впервые по настоящему осуществлялись мечты Яна Гуса о победе правды, мечты Маркса об „очеловечении чувств человека” и мечты Ленина о социалистической демократии, более последовательной и более полной, чем все прежние формы демократии.

Сегодня, поздравляя Вас, я желаю Вам и всем, кто Вам близки и дороги, доброго здоровья, новых сил и новых успехов и хочу напомнить, что в нашей стране у вас есть настоящие друзья, которые любят и понимают вас и страстно верят, что никакая ложь, никакие преступления и трагедии не разорвут вековые узы братства, связывающие русский народ с чехами и словаками. Те семеро молодых людей, которые 25 августа на Красной площади самозабвенно приветствовали Чехословакию и множество советских граждан разных поколений, которые на протяжении последних двух месяцев устно и письменно выражали самые добрые чувства к вашей стране, порукой тому, что наше общее завтра будет солнечным вопреки всем вчерашним и сегодняшним непогодам.

Мне больно, что в трудные для вас дни я не мог помочь вам ничем иным, кроме слов приветия. Но в этих словах живая любовь и восхищенное уважение. С новой силой звучат сегодня строки великого Незвала: „Чешский лев, тебя глупец лишь примет за ручного”, и стихи великого русского поэта Марины Цветаевой, обращенные к Вашим соотечественникам тридцать лет тому назад: „Так и стою, раскрывши рот, — Народ! Какой народ!”

И еще об одном великом поэте этого века нельзя не вспомнить в день вашего национального праздника. Бертольт Брехт воплотил свою любовь к Чехословакии в пьесе „Швейк во второй мировой войне”, в которой поется песня о Влтаве.

По дну Влтавы перекатываются камни;
Три кесаря в Праге в могилах лежат.
Великое не остается великим, а малое не
остается малым,
Ночь длится двенадцать часов, потом все же
настанет день.

Все то, чего вы достигли за эти полвека и за этот год, уже стало достоянием истории. Вами будут гордиться не только ваши кровные потомки, на всех языках земли прославят поэты и ученые путь Чехословакии к социализму, и я верю, что в одном ряду с именами Св. Вацлава, Яна Гуса, Амоса Коменского, Томаша Масарика, Ярослава Гашека, Юлиуса Фучика будут названы имена Людвика Свободы, Александра Дубчека, Йозефа Смрковского и Олдржиха Черника.

Сердечно приветствую – Ваш Лев Копелев.

СОЛЖЕНИЦЫНА НЕЛЬЗЯ ИСКЛЮЧАТЬ

В Правление Союза писателей СССР.

Копия: „Литературной газете”.

Память и воображение необходимы каждому литератору. Те, кто „прорабатывал” Ахматову, Зощенко, критиков-„космополитов”, Пастернака, принесли нашей стране только вред. Помня все это, легко вообразить, какие последствия будет иметь исключение А.И.Солженицына.

Для многих миллионов людей у нас и во всем мире, для всех зарубежных друзей нашей страны Александр Солженицын сегодня олицетворяет лучшие традиции русской литературы, гражданское мужество и чистую совесть художника.

Решение Рязанского отделения СП необходимо отменить возможно скорее.

14 ноября 1969 года.

*Калининградская область,
гор. Черняховск,
Администрации учреждения 216-2¹*

Уважаемые Товарищи,

очень прошу Вас возможно скорее передать Петру Григорьевичу Григоренко прилагаемые книги. Эти переводы и подлинники повести известного немецкого писателя Генриха Бёлля. Сопоставляя перевод с подлинником, Петр Григорьевич может совершенствовать свои знания немецкого языка, изучать теорию и практику перевода художественной литературы. Он проявляет серьезную заинтересованность этими проблемами и, могу вас заверить как специалист, высказывает по этому поводу очень дельные мысли.

Бодрое, жизнерадостное письмо, которое я получил от него к Новому году, очень порадовало всех, кто знает Петра Григорьевича и, естественно, озабочен его судьбой. Его занятия немецким языком и проблемами перевода несомненно благотворны для него со всех точек зрения. Полагая, что и вы уже могли убедиться в этом, я решаюсь вас просить: позвольте, наконец, Петру Григорьевичу пользоваться письменными принадлежностями, без чего невозможно дальнейшее активное изучение иностранного языка. Я позволяю себе обратиться к вам с такой неофициальной и очень горячей просьбой, потому что принадлежу к числу тех, кто, не разделяя многих взглядов Петра Григорьевича, глубоко уважает его как самоотверженного, бескорыстного, благородного патриота, необычайно мужественного, талантливого и доброго человека. Вы, вероятно, знаете, что так думают о нем все, кто достаточно знаком с ним или с его научными и публицистическими работами. А таких людей очень много и у нас в стране, и за рубежом.

Решительное изменение его судьбы, видимо, от вас не зависит. Но от вас зависит, чтобы его жизнь в вашем учреждении была возможно менее тяжелой. За это вы ответственны прежде всего перед вашей собственной совестью.

Петра Григорьевича Григоренко — героя Великой Отечественной войны, ученого и общественного деятеля никогда уже не забудут его друзья — знакомые и незнакомые — ни беспристрастная история и никто из людей, с ним сталкивавшихся. Не забудьте его и вы. И поэтому для вас же хорошо теперь поступать так, чтоб через многие годы, вспоминая о нем, вам не пришлось испытывать угрызений совести и стыдиться перед своими детьми и внуками. Пожалуйста, поймите меня правильно: доброе человеческое

отношение к Петру Григорьевичу может быть только полезным для всех — и для него и для спокойствия души каждого из вас и для достоинства государства.

Желаю всем, кто будет читать это письмо, и всем их родным в наступившем Новом году хорошего настроения, исполнения добрых желаний и доброго счастья.

24 января 1972 года.

Ответа на письмо я не получил, но в дальнейшем П. Г. Григоренко передавали книги и письма, которые я ему посылал.

О ЛИДИИ ЧУКОВСКОЙ

В Секретариат Московской организации Союза писателей РСФСР.

Прошу разрешить мне присутствовать и выступить на заседании Секретариата 9-го января с.г., когда будет рассматриваться вопрос о Л.К. Чуковской, либо прошу во время обсуждения прочесть вслух это письмо.

1. Лидию Корнеевну Чуковскую я знаю много лет, горжусь ее дружбой и глубоко ее уважаю. Она — человек безупречно благородный душою и разумом, деятельно добрый, предельно, до самозабвения искренний в отношениях со всеми людьми и обладает неколебимым гражданским мужеством.

Книги Лидии Чуковской о Бестужеве, Герцене, Шевченко, Житкове, „В лаборатории редактора” и другие, ее статьи, очерки, новые, пока лишь частично известные работы („Записки об Анне Ахматовой”, „Книга о моем отце”), повести „Софья Петровна”, и „Спуск под воду” — это произведения талантливого беллетриста, критика, публициста и литературоведа, такие произведения, значение которых со временем только возрастает.

Многим литераторам разных поколений, в том числе и мне, Лидия Корнеевна щедро помогала взыскательной критикой и советами необычайно чуткого редактора.

Для всех, кто знает ее отношение к высокому ремеслу писателя, ее глубокие корневые связи с творчеством Герцена, Анны Ахматовой, Корнея Чуковского, С.Маршака, кто наблюдал ее подвижническую работу со словом, Лидия Чуковская олицетворяет непрерывность традиций русской словесности.

2. Все это побуждает меня обратиться к Секретариату Московской организации писателей. При любых различиях в убеждениях и вкусах все же существуют понятия, которые все литераторы воспринимают в основном тождественно. Таковы понятия **память и воображение**.

Именно в эти дни московские литераторы штурмуют свою книжную лавку, надеясь добыть однотомники Булгакова и Мандельштама, с нетерпением ждут новых изданий Ахматовой, Зощенко, Пастернака.

Нужно ли напоминать, какими были судьбы этих авторов?

И, право, не требуется напрягать воображение, чтобы представить себе, как через несколько лет будут охотиться за книгами Александра Солженицына, Владимира Максимова, Иосифа Бродского и, конечно же, Лидии Чуковской и Владимира Войновича.

Вероятно, мне возразят, ссылаясь на необходимость „идеологической борьбы”, однако в памяти литературы живут примеры „борьбы”, которая с подобными же основаниями велась против Шолохова, Маяковского,

Всеволода Иванова, Сергеева-Ценского, Алексея Толстого, Эренбурга, против „есенинщины” и „чуковщины”, против Платонова, Твардовского, „безродных космополитов” и т.д. и т.п.

Много ли чести от тех боев сохранили бойцы-„победители”?

3. Настоящая идеологическая борьба – это именно противоборство идей, мыслей, столкновение противоречивых взглядов: речь против речи, книга против книги, статья против статьи. Никогда и никому не удавалось оспорить идеи запретами, репрессиями, административными „оргвыводами”. Тысячелетний опыт истории свидетельствует однозначно: те, кто пытается заменить борьбу идей кострами для еретиков, плахами, виселицами, тюрьмами, цензурным произволом и „проработками”, не допускающими возражений, тем самым обнаруживает, что не верит в силу идей, которые якобы отстаивает, и только обрекает их на поражение.

4. Если бы Секретариат, следуя постановлению Бюро секции детской литературы, все же решил исключить Лидию Чуковскую из Союза писателей и принял бы это решение на закрытом заседании, не предоставив ей возможности выступить перед достаточно широкой аудиторией товарищей, не выслушав тех, кто хотел бы возражать против исключения, – то это было бы не проявлением идеологической борьбы, а только очередной административной расправой.

5. Очень прошу всех членов Секретариата, когда они станут решать вопрос о судьбе Лидии Корнеевны, – а вскоре затем о судьбе Владимира Войновича, очень талантливого, заслуженно популярного прозаика и драматурга, – думать не только о будущем этих писателей, но и о своем собственном: как вы будете вспоминать об этих заседаниях, как станете отвечать на вопросы, которые вам неизбежно зададут и ваша совесть и ваши дети и, конечно, история литературы.

Январь 1974 года.

Это письмо не было оглашено на заседании Секретариата и мне, разумеется, не разрешили присутствовать.

АРЕСТ СОЛЖЕНИЦЫНА – ЕГО ПОБЕДА

Александра Солженицына – великого писателя, борца за справедливость знают и чтут десятки миллионов людей доброй воли во всем мире.

Александра Солженицына – человека мне выпало счастье узнать двадцать семь лет тому назад. Я был вместе с ним – заключенным; переписывался с ним – ссыльным, тяжело больным, когда ему грозила смерть от рака; встречался с ним – школьным учителем; видел его писателем, который стремительно обрел всенародную и всемирную известность. Тогда им восхищались лучшие мастера нашей литературы: Ахматова, Твардовский, Чуковский, Паустовский, его восхваляли газеты и журналы, с почетом принимали в Кремле, Союз писателей выдвигал на Ленинскую премию и перед ним заискивали знаменитые коллеги и сановники. Потом я наблюдал его прославленным нобелевским лауреатом и уже вновь гонимым, преследуемым клеветой, руганью, угрозами, но вместе с тем счастливым мужем и отцом, верным другом, неутомимым работником слова...

И всегда, везде, в горе и в радости, он оставался неколебимо целеустремленным, одержимым одной страстью – сознанием своего писательского, гражданского долга. Сознанием, что он должен высказать то, чего не сказали миллионы умолкших: казненных, убитых, замученных пытками, голодом, каторжным трудом, – чего не говорят миллионы безмолвных: обманутых, запуганных или скованных вязкой рутинной.

Александр Солженицын – прямой наследник благородных традиций русской литературы, традиций Герцена, Льва Толстого, Достоевского, Короленко, молодого Горького; он развивает наследство их действенного человеколюбия в беспримерном единоборстве с оглушительной ложью и всевластным насилием.

Арест Солженицына – тяжкий удар для него, для его семьи, друзей, читателей. Однако, в то же время, это – его новая нравственная победа, подтверждающая истинность и злободневность его последней книги. Этот арест – действие саморазоблачительного, безрассудного произвола. Но пока Солженицын в заключении, никто в нашей стране, да и во всем нашем неделимом мире, не может чувствовать себя в безопасности.

12-13 февраля 1974 г.

Это заявление было написано в ночь после ареста Солженицына и на утро передано иностранным корреспондентам по телефону.

ВОПРОС К СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ

В Секретариат Правления Московской Организации Союза писателей РСФСР.

На протяжении примерно семи лет меня последовательно и все более решительно лишают возможности публиковать мои работы. Привожу лишь несколько примеров.

...В марте 1968 г. были расторгнуты все договоры, заключенные со мною издательствами: „Художественная литература“, „Искусство“ и „Прогресс“. Главы из моей книги „Гете и театр“, обсужденные и одобренные на заседаниях соответствующего сектора Института Истории Искусств, были изъяты из состава безгонорарных сборников. Большая работа „Толстой и Гете“, одобренная ученым советом Музея им. Л. Толстого, была изъята из „Яснополянского сборника“ в 1970 г. Тогда же я направил эту работу, как текст главы, приложенной к подробной заявке на книгу „Лев Толстой и немецкая литература“ в издательство „Художественная литература“. Прошло четыре года и, несмотря на неоднократные напоминания, я даже не получил никакого ответа на эту заявку... До 1974 года мне удавалось изредка публиковать рецензии в „Бюллетене современной зарубежной литературы“ (Изд. гос. библиотеки иностранной литературы). Но с февраля с.г. редакции Бюллетеня запрещено (не знаю кем) принимать от меня рецензии. До прошлого года я время от времени писал обзоры театральной жизни в странах немецкого языка для кабинета зарубежного театра при ВТО. (В этом кабинете я работал до войны; оттуда уходил на фронт и систематически сотрудничал там после реабилитации). С начала 1974 г. руководство ВТО запретило привлекать меня даже для составления анонимных обзоров и для консультации работников театров. В 1956 г. я перевел драму Брехта „Жизнь Галилея“. Мой перевод неоднократно публиковался во всех наших изданиях сочинений Брехта; в этом переводе драма уже десять лет идет на сцене театра на Таганке, передавалась по радио. Но когда МХАТ решил ставить эту драму, то дирекция заказала новый перевод, никак этого не мотивируя. В 1974 г. издательство „Художественная литература“ приступило к изданию собрания сочинений Гете; редакторов издания я просил предоставить мне возможность участвовать хотя бы в составлении комментариев и в переводах научно-публицистической прозы. (Ведь я уже перевел больше 12 печатных листов статей Гете об искусстве и литературе; часть из них была опубликована в журнале „Вопросы литературы“ и принята издательством „Искусство“ для сборника „Гете об искусстве“¹). Ответа на мою просьбу я не получил. Никакого. Уже три года я так же тщетно жду ответа от издательства „Наука“ на предложение перевести и прокомментировать никогда раньше не публиковавшиеся по-русски

дневники Гете (так называемые „Анналы“).

Все эти факты свидетельствуют однозначно о том, что я лишен права на труд в своей профессии, лишен возможности поделиться теми знаниями, которые накопил за много лет и продолжаю накапливать, так как читать мне пока еще не могут запретить. Обо всем этом я уже неоднократно писал в разные инстанции. Тщетно.

Прошу секретариат разъяснить мне, осужден ли я пожизненно быть отлученным от литературной работы на Родине. Зарубежные издательства и журналы публикуют мои статьи; так, например, упомянутая выше работа „Толстой и Гете“ издана книгой в ФРГ. Однако я не могу довольствоваться такими „отдушинами“, так как хочу быть полезен здесь. Если опала, которой я все еще подвергаюсь, не пожизненная, то, может быть, семи лет уже достаточно?...

Это часть заявления, которое было передано в Московскую организацию Союза писателей 12 декабря 1974 года. Оно было последним в ряду примерно десяти подобных, которые, начиная с 1966 г., когда ко мне стали применять „санкции“, я время от времени направлял в Союз писателей и в ЦК КПСС, Министерство Культуры и т.д. Ни на это, ни на все предыдущие ответов не было.

¹ Сборник вышел в свет в 1975 г.

АМНИСТИРОВАТЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

В Политбюро ЦК КПСС.

Аресты Андрея Твердохлебова, Сергея Ковалева, обыски у Николая Руденко, Александра Гинзбурга, Валентина Турчина и других участников Комитета международной гуманистической организации „Международная амнистия”, а также арест Владимира Осипова, редактора национально-религиозного журнала „Вече”, — новые примеры несправедливых и неразумных репрессий. Люди, подвергшиеся им, хорошо известны и у нас в стране и за рубежом, прежде всего своим гражданским мужеством.

Ущерб, уже причиненный этими репрессиями нашему обществу и престижу государства, можно хоть как-то исправить, незамедлительно освободив арестованных, ускорив издание Указа об амнистии политзаключенным и ведя полемику с идеологическими противниками только идеологическими средствами.

9 апреля 1975 года.

ОТВЕТ СЛЕДОВАТЕЛЮ ПРОКУРАТУРЫ

Вызов „для допроса в качестве свидетеля к следователю Прокуратуры гор.Москвы Тихонову на 23 июля 1975 года” я получил, но придти по этому вызову не считаю возможным.

1. В повестке не указано, по какому делу меня вызывают. Никакие преступные противозаконные деяния мне не известны. А давать показания о чьих-либо взглядах, высказанных устно или письменно, я не буду ни при каких обстоятельствах.

2. Уже неоднократно в письмах, адресованных руководящим партийным и государственным инстанциям, я объяснял, почему именно я убежден, что вмешательство административных учреждений (МВД, КГБ), прокуратуры и суда в духовную жизнь общества совершенно недопустимо.

Любая попытка решать вопросы науки или культуры — литературы, философии, религии, искусства и т.п. — средствами административного воздействия или уголовного преследования противоречат духу и букве Основного Закона — Конституции нашей страны, противоречат международным правовым документам (Декларации Прав Человека и др.), которые подписаны и нашим государством, причиняет вред, часто непоправимый, и отдельным людям и всему развитию нашей культуры.

3. Это подтверждается все новыми и новыми фактами. 7 июля с.г. поэт и критик Юрий Айхенвальд, вызванный „в качестве свидетеля” (и, кстати, именно следователем Тихоновым), был прямо с допроса доставлен в отделение реанимации с тяжелым инфарктом. Печально известны допросы писателя Владимира Войновича в мае с.г.

4. Я не приду по вызову следователя Тихонова и вообще не буду ни в какой форме участвовать ни в каком следствии, связанном с „идеологическими” обвинениями.

5. Никому из вольных или невольных участников таких следствий нельзя полагаться ни на отсутствие гласности, ни на ограниченную ответственность рядовых исполнителей или вынужденных запуганных свидетелей. Исторический опыт и, в особенности, опыт последних десятилетий доказывают, что дурные дела не остаются в тайне. Но даже тот, кто избежал общественного осуждения, не может избежать суда своих детей и своей совести.

19 июля 1975 года.

ПРОТИВ ОСУЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ОСИПОВА

Председателю Верховного Суда РСФСР.

Копия: Генеральному Секретарю ООН,

Секретариату „Амнести Интернешнл“.

Владимир Осипов — редактор и издатель рукописного национально-религиозного журнала „Вече“, который в течение нескольких лет выпускался за его подписью, с указанием его точного адреса, осужден городским судом гор. Владимира на 8 лет заключения.

Уже само по себе уголовное преследование за литературную, журналистскую деятельность и, тем более, этот чудовищно суровый приговор противоречат Основному Закону нашей страны и всем международным соглашениям о правах человека — в частности, документу, подписанному недавно в Хельсинки, — в котором участвует и наше государство.

Взгляды В. Осипова мне чужды; некоторые его суждения по вопросам истории, философии, социологии мне представляются глубоко неправильными. Однако, именно поэтому я могу беспристрастно утверждать, что административные судебные преследования за высказывание таких взглядов недопустимы, противозаконны и чреваты лишь вредными последствиями.

Все, что я знаю о личности Владимира Осипова, убеждает, что он самолюбивно любит Россию, искренен, прямодушен до наивности, бескорыстен и отважен.

Прошу Верховный Суд Республики отменить несправедливый приговор. Всех людей доброй воли призываю поддержать мою просьбу.

30 сентября 1975 года.

Во всем, что говорит, пишет и делает Андрей Дмитриевич Сахаров явлена его личность. Он всегда беспредельно искренен, мягок, деликатен, даже кроток. Он не способен притворяться, подобно тому, как большинство людей не способно сочинять музыку. Но он неколебимо тверд и самоотверженно бесстрашен, сопротивляясь силам зла, защищая преследуемых.

Можно не соглашаться с его взглядами, можно считать иные его суждения опрометчивыми или неправильными. Но его нравственное величие бесспорно и ничто не может его умалить.

Рыцарь деятельной доброты, безоглядно откликающийся на каждый призыв о помощи, он олицетворяет лучшие особенности русского национального характера, запечатленные Львом Толстым, Достоевским, Некрасовым, Короленко. В прошлые века таких подвижников неусыпной совести, отдававших „душу свою за други своя” тоже бывало преследовали. А потом чтили как святых.

Лживое заявление 72 членов Академии Наук СССР¹ не поколеблет международный нравственный авторитет Сахарова, теперь подтвержденный еще и Нобелевской премией. Зачинщики новой травли лишь поражают неадекватностью и забывчивостью. Такие же истерические реакции на премирование Пастернака (1958) и Солженицына (1970) только расширяли популярность гонимых лауреатов.

Доброй славе Сахарова жить века. И в ее немеркнущем свете шеренга имен, подпирающих „заявление академиков”, вызывает недоумение и брезгливую печаль. До 1953 года отказаться подписать такой текст было бы опасно. Однако сейчас именитый ученый рискует лишь временным недовольством начальства, запинкой в карьере.

Неужели же все эти весьма образованные, многоопытные и в большинстве своем уже старые люди не думают о том, что каждому из нас, кому пошел седьмой десяток, все меньше времени остается на искупление грехов?

Ведь никакие казенные почести, хвалы, награды и даже подлинные научные заслуги не спасут от презрения современников и потомков, от неумолимого суда своей совести в последние часы жизни. И самые красноречивые некрологи, самые пышные надгробия не уравновесят постыдного груза такой подписи.

Трудно подражать Сахарову; он герой и подвижник. Однако **не участвовать** в травле человека, воплотившего живую совесть народа, доступно каждому.

Декабрь 1975 года.

¹ Опубликовано в советских газетах 22.11.1975 г.

1.

Мустафа Джемилев родился в 1943 году в Крыму.

Он был осужден, прожив едва один год, 18 мая 1944 г., осужден вместе со всем своим народом — крымскими татарами, старыми и молодыми и еще нерожденными младенцами.

Внимание всего мира тогда привлекали победы советских армий и страдания, которые принесли война и фашистское вторжение миллионам советских людей. Пользуясь этим, Сталин принял от Гитлера эстафету геноцида. Целые народы — немцы Поволжья, балкарцы, чеченцы, ингуши, карачаевцы, крымские греки и крымские татары — были оклеветаны именно как народы, поголовно осуждены и высланы, изгнаны из родных мест.

Мустафа вырос чистосердечным, разумным и отважным юношей; он не мог, не хотел мириться с тем, что его народ был обесчещен, лишен родины. Он говорил об этом открыто. Беззаконной расправе противопоставил он только слово, только мирные призывы — просьбы о правде и справедливости. Но за это его лишили возможности получить образование, исключили из института в Ташкенте. Он отказался служить в армии государства, которое не допускало его соплеменников, его семью и его самого на родину, хотя уже официально признало несправедливость их осуждения. Мустафа не скрывался, никого не обманывал. Он открыто и прямо объяснял, почему не считает возможным стать солдатом. Но он был приговорен к трем годам лагерей за „уклонение от воинской службы”, потом снова на год за то же. Уже находясь в лагере, накануне освобождения, он был в 1973 году осужден по ст. 190 („клевета на государство”) на 2 года. В июне 1975, за день до окончания срока, его перевели из лагеря в тюрьму и объявили арестованным. На этот раз обвинение его было состряпано уже предельно цинично и грубо. Так, например, его обвинили в „пропагандировании творчества антисоветчика (!) и врага России Гаспринского”. Измаил Бей Гаспринский, родившийся в 1851 году и умерший в 1914, был либерально-демократическим литератором, журналистом, переводил и пропагандировал произведения русских писателей, полемизировал с мусульманскими фанатиками.

Сразу же после нового ареста Мустафа объявил голодовку, протестуя против жестокого произвола. В течении десяти месяцев его кормили насильно.

Суд над Мустафой Джемилевым состоялся в Омске 14-15 апреля 1976 года. Один из главных свидетелей обвинения Владимир Дворянский заявил суду, что его принудили давать ложные показания. В. Дворянский,

26 лет, осужденный на 10 лет (защищая сестру, он нанес смертельную рану одному из нападавших на нее). Показания против Джемилаева он давал под диктовку следователя, который обещал ему за это досрочное освобождение и даже „устройство в институт без экзаменов”, а за отказ угрожал „не выпустить живым из лагеря”. Дворянский еще до суда отказался от навязанной ему роли клеветника и сказал об этом прокурору, осуществлявшему „юридический надзор” над тем лагерем, где содержались Джеми-лев и Дворянский. Но блюститель закона посоветовал ему покончить с собой, „чтобы не было хуже”.

Имена следователей, прокуроров и других непосредственных участников расправы над Мустафой пока не известны. Однако судья Юрий Иванович Аносов достойно представляет их всех. Когда Дворянский объяснил, что подписывал заведомо ложные показания потому, что его заставили следо-ватели, ведь он был в их власти, судья угрожающе заметил: „А сейчас вы думаете, что вы уже не в их власти?” — и вынес частное определение о „пре-дании суду В. Дворянского за дачу ложных показаний”. Аносов отказался пригласить большинство свидетелей, о которых просили адвокат и подсу-димый, мешал говорить больному Мустафе, грубо обрывал его и даже не дал закончить последнее слово.

Адвокат Швейский убедительно доказал полную несостоятельность всех обвинений. Однако судья Аносов вынес приговор: 2 года и 6 месяцев ла-герей строгого режима.

Мустафа Джемилев после 8 лет заключения, после 10 месяцев голодовки и насильственного кормления весил менее 40 килограммов; врачи нашли у него атрофию печени, уменьшение объема желудка, резкое ослабление сердечной деятельности.

Этот приговор означает **БЕСПОЩАДНОЕ МУЧИТЕЛЬНОЕ УМЕРЩВЛЕ—**
НИЕ. Судья Аносов обрек на смерть невинного, чья молодость и, по сути, четверть всей жизни прошли в тюрьмах и лагерях.

ЧУДОВИЩНЫЙ ПРИГОВОР ДОЛЖЕН БЫТЬ ОТМЕНЕН, чтобы спасти жизнь Мустафы Джемилева, чтобы избавить всех нас, его соотечественни-ков и сограждан, от позорной вины.

Потому что мы все в большей или меньшей мере ответственны за пре-ступление, совершенное следователями, прокурорами, судьей, выносив-шим приговор „именем Союза Советских Социалистических Республик”, именем государства, в котором мы живем, работаем, создаем его престиж и силу. Мы отвечаем за это перед своей совестью, перед нашими детьми и внуками, перед всем человечеством.

2.

Судьба Мустафы не единичный случай.

Так же, как он, осуждены вопреки Основному Закону — Конституции

СССР, вопреки международным соглашениям о правах человека, включая и недавнее подписанное в Хельсинки, —

литератор Владимир Буковский,¹
баптистский проповедник Георгий Винс,
врач Семен Глузман,
рабочий Вячеслав Игрунов,
биофизик Сергей Ковалев,
рабочий Анатолий Марченко,
историк Валентин Мороз,
публицист Владимир Осипов,
рабочий Гунар Роде,
поэт Иван Светличный,
поэт Василий Стус,
филолог Габриэль Суперфин,
физик Андрей Твердохлебов,
писатель Михаил Хейфец и многие другие; —

они были осуждены за то, что оглашали факты, высказывали мысли, не-
удобные их обвинителям.

Сейчас необходимо прежде всего: **СПАСТИ ЖИЗНЬ МУСТАФЫ ДЖЕМИ-
ЛЕВА**, немедленно освободить его, а также спасти **ВЛАДИМИРА ДВОРЯН-
СКОГО** от жестоких репрессий, которые угрожают ему за то, что в бесче-
ловечных условиях он проявил благородную человечность и поразительное
мужество. Необходимо спасти их и призвать к ответу прямых виновни-
ков незаконной расправы.

Но и сейчас и впредь необходимо задавать правительству СССР, сотрудни-
кам государственных и судебных учреждений, общественным деятелям,
журналистам и др. примерно такие простые вопросы:

ПОЧЕМУ при очевидном росте хозяйственной, политической и военной
мощи государства все еще заключают в тюрьмы, лагеря, „спецпсихболь-
ницы” и отправляют в ссылку людей, осмелившихся высказывать крити-
ческие суждения?²

ПОЧЕМУ несколько тысяч людей, подобных Джемилеву, Твердохлебо-
ву, Ковалеву, — людей, которые чаще всего никак между собой не связа-
ны и не единомышленны, — можно считать опасными для 15 миллионов
членов КПСС, 35 миллионов членов Комсомола, для Вооруженных Сил,
войск МВД и КГБ, милиции, дружин охраны порядка и т.д.?

НЕУЖЕЛИ государственные служащие и судебные работники, которые
действуя вопреки законам, вопреки здравому смыслу и совести, участвуют
в таких расправах, а также пропагандисты, журналисты, литераторы и др.,
кто пытаются их оправдать, не понимают, что они доказывают лишь свое
НЕВЕРИЕ В СИЛЫ ГОСУДАРСТВА И В ИДЕИ, якобы ими защищаемые?

НЕУЖЕЛИ мысли, высказанные в кругу немногих слушателей, либо за-
печатленные в нескольких десятках — пусть даже сотнях — машинописных

страниц „самиздата”, могут угрожать идеологии, которую утверждают сотни миллионов газет, журналов, книг, учебников, десятки тысяч агитаторов и пропагандистов, миллионы радиоточек и телевизоров?

3.

Такие вопросы необходимо задавать в любой удобной для спрашивающего форме — устно и письменно, публично и доверительно, „кулуарно”, по почте, по телеграфу, по телефону.

ГЛАВНОЕ НЕ ПЕРЕСТАВАТЬ, не ограничиваться одноразовыми вопросами, не довольствоваться велеречивыми, но абстрактными ответами; необходимо спрашивать до тех пор, пока не будет, наконец, осуществлено предложение академика Сахарова о всеобщей политической амнистии, об освобождении всех узников совести.

Само собой разумеется, все это отнюдь не должно означать призыва к действиям, направленным против общественного строя и государственного порядка. Я глубоко убежден, что любые нелегальные и, тем более, насильственные методы в нашей стране вообще недопустимы, — они не только вредны, но могут быть губительными.

ЗАКОННЫМИ СРЕДСТВАМИ И В ЗАКОННЫХ ФОРМАХ ДОБИВАТЬСЯ СОБЛЮДЕНИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ ЗАКОНОВ, добиваться гласности и настоящей, полной реализации свободы слова, которая гарантируется Конституцией СССР, должны те, кто хочет действительно воспрепятствовать упрямым „наследникам Сталина”, бессовестным исполнителям и распорядителям беззаконий.

Только так можно спасти Мустафу Джемилеву и всех других мучеников. Только так можно предотвратить новые губительные расправы.

Москва, 22 апреля 1976 года.

¹ Написано до обмена В. Буковского на Л. Корвалана (ред.).

² На этот вопрос иногда возражают, что теперь в СССР все обстоит иначе, лучше, чем было в годы сталинщины, когда насчитывалось 12-15 миллионов заключенных, когда с ними расправлялись вовсе без суда, заочными решениями, когда тайные административные приказы обрекали на изгнание сотни тысяч и миллионы людей — „раскулаченных” либо целые народности. А теперь у нас „только” несколько тысяч политзаключенных и судят их с соблюдением юридических норм. Однако суд над Мустафой Джемилевым, так же, как суды над Сергеем Ковалевым (в Вильнюсе в декабре 1975 г.) и Андреем Твердохлебовым (Москва, апрель 1976 г.) доказывают, что соблюдение форм не спасает от произвола и беззакония.

*Wer sich selbst und andere kennt,
Wurd auch hier erkennen:
Orient und Occident
Sind nicht mehr zu trennen.*

1

Goethe

Трудно передать чувства, которые испытываешь, узнавая, что где-то незнакомые люди читают, обсуждают написанное тобой. Каждый читательский отклик всегда интересен. Тем, кто откликнулся добрым словом на мою книгу „Хранить вечно” (1976), я сердечно благодарен. Однако понимаю, что одобрение вызывается прежде всего темой, известной новизной материала. Поэтому и самые похвальные отзывы не вызывают у меня самодовольства. А самые суровые литературно-критические суждения я принимаю безропотно. Со многими из них согласен. Однако в тех случаях, когда из моей книги вычитывают или в нее „вчитывают” такое, чего там нет и не может быть, я вынужден возражать.

Предварительная публикация отрывков в журнале „ЦАЙТ-магазин” (№№8-16, 1976) меня вначале обрадовала — я люблю газету „Ди Цайт”. Но вскоре эта радость сменилась огорчением. Отрывки были так выбраны и смонтированы, снабжены такими сенсационно-газетными подзаголовками и так проиллюстрированы, что приобретали смысл и звучание, по-моему, далекие и чуждые тому, что я писал.

Об этом свидетельствовали и некоторые читательские письма, приведенные журналом. Клаус Бельде из Бохума призывал „похоронить яд” и не „бередить старых ран”. Фредерика Вюнш из Ольденбурга печально спрашивала: „Что ж мы хотим — всегда противопоставлять ненависть ненависти?”

Читать это было тем более горько, что я не мог не признать — их упреки оправданы характером публикации.

Многие немецкие читатели, — если судить по значительному большинству рецензий — увидели главный смысл книги в главе о Восточной Пруссии: бывший советский офицер сам рассказал о жестоких бесчинствах, которые творили его товарищи. Однако эта глава — только часть книги (42 из 729 страниц русского и 43 из 615 страниц немецкого издания). Такая субъективная „абберрация” восприятия естественна именно у немецких читателей. Но противоестественно, когда кое-кто пытается навязывать моей книге роль защитного свидетельства в безнадежном процессе реабилитации нацистской империи и нацистского вермахта.

Неужели слепая жестокость мстителей и преступления тех негодяев,

которые своекорыстно притворялись мстителями, могут оправдать или даже только ослабить вину преступников, чьи злодеяния возбудили жажду мести, служили аргументами для самых беспощадных проповедников расплаты?

Тогда, зимой 1945 года, многие в нашей армии были возмущены и потрясены так же, как я, и не менее решительно осуждали мстительную ярость и другие низменные инстинкты, возникшие у иных солдат за четыре года войны на всех путях от Волги до Одера, и жестокие страсти, высвобожденные в угаре победного наступления. Многие противодействовали насилиям и мародерству куда более успешно, чем я. В моей книге приведены (хотя, может быть, недостаточно подробно) конкретные примеры такого противодействия, которое оказывали и рядовые солдаты и маршал Рокоссовский.

События в Восточной Пруссии стали рубежными, переломными в моей судьбе. Но ведь не только они, а еще и другие обстоятельства привели меня в тюрьму, в лагеря и много лет спустя побудили писать.

На протяжении полутора десятилетий я вспоминал и записывал воспоминания о разных событиях моей жизни. Пока лишь часть этих записей стала книгой, которая возникла вовсе не потому, что я хотел оправдываться или жаловаться на заключение.

Прежде всего я должен был рассказать правду своим детям и внукам, своим соотечественникам, моим ровесникам, правду о том, как жил, что мы действительно думали и чувствовали в пору самых трудных, самых противоречивых и самых жестоких испытаний нашего народа.

„Мы дети страшных лет России / Забыть не в силах ничего.“ Эти слова великого поэта Александра Блока стали эпиграфом-девизом для всего, что я написал. Исповедываясь, объясняя себе и другим, что же происходило со мной и со мне подобными в те годы, я хотел рассказать еще и о мучениках, жертвах нашей жестокой эпохи, память о которых могла бы исчезнуть бесследно. Хотел поблагодарить всех добрых людей, которых мне посчастливилось встретить. И хотел назвать негодяев.

Слово — единственное допустимое для меня оружие и в борьбе идей, и для личного возмездия.

Первоначально я не собирался публиковать ничего при жизни и уж менее всего за рубежом, на других языках. Когда я все же решился на то, чтобы издать ту часть воспоминаний, которая стала книгой „Хранить вечно“, то лишь потому, что надеялся: она поможет взаимному пониманию и сближению людей, разделенных противоборствующими идеологиями, государственными границами и национальными и классовыми предрассудками. Сейчас я более всего хочу того же, что и Фредерика Вюнш из Ольденбурга, хочу помогать всем, кто стремится прерывать „цепные реакции“ ненависти, безысходные мстительные расчеты взаимных обид, кровавые иски племенной вражды.

Поэтому особенно неприятны мне те отклики, в которых явственны прямо противоположные стремления. Так например, автор одного пространного читательского письма надеется, что моя книга поможет, чтобы говорили „не только о великой **немецкой** вине” (подчеркнуто автором письма). Он же раздраженно упрекает Генриха Бёлля, который в послесловии „не мерит все стороны одною мерой”, а, дескать, поддерживает „сказку о мнимом немецком нападении на мирный Советский Союз в 1941”. Это же письмо и некоторые рецензии (например, в „Вестпройсе” 5 июня 1976) утверждают, что я умалчиваю о „польских националистических массовых преступлениях, обращенных против невинных людей из немецкого национального меньшинства в Польше”, и ошибочно переадресовываю их, переименовываю в „немецкие преступления”.

2

Прежде чем возражать на такие упреки, я считаю нужным определить принципиальные различия в толковании некоторых общих понятий.

Когда речь идет о понятиях *нация* и *государство*, *личная* и *коллективная вина*, то иногда люди самых разных и даже взаимно враждебных идеологий рассуждают почти одинаково. Так, например, шовинисты разных наций и доктринеры разных партий склонны отождествлять или предельно сближать понятия нации и государства, говорить о „национальной вине” и призывают к массовому воздействию за массовые злодеяния.

Такие взгляды мне чужды и неприятны. Не только потому, что они безнравственны, рождают ненависть, подозрительность и побуждают к новым жестоким злодеяниям, к оправданию грабительских войн, завоеваний, массовых расправ. Но и потому, что они изначально ложны, вырастают из мифов и предрассудков, из намеренно или невольно, „по привычке”, искаженных представлений об истории.

Им противоречат уроки истории — и той, которую мы познаем из документов, и той, которую сами испытали и продолжаем испытывать.

Немецкая нация и немецкая национальная культура возникали и развивались в значительной мере независимо от государственных форм и даже в прямом противоборстве с ними. Не только иноземные завоеватели, но и соплеменные власти, отечественное „политическое убожество” (*Deutsche Misere*) были и остаются главным образом помехами, препятствиями на всех путях немецкого национального развития. Так было в эпоху Священной Римской Империи, государства Гогенцоллернов, и в „тысячелетней империи” нацистов, и при нынешней расчлененной нации. Эту закономерность распознал уже Гете.

Германия? Но где же она?

Не могу я найти эту страну.

Там, где начинается Германия просвещенная,

Там заканчивается политическая.

Подобные же антагонистические отношения нации и государства обнаруживает история России, Франции, Италии...

В частности и потому я убежден, что нельзя называть национальной виной преступления, совершенные государствами, армиями, политическими организациями. Преступления Ивана Грозного и Сталина, всех царских карателей и всех мародеров и насильников, бесчинствовавших в Восточной Пруссии в 1945 году, так же нелепо и несправедливо называть „русской виной“, как преступления кайзеровской солдатни и гитлеровских палачей-истребителей народов нельзя полагать „немецкой виной“.

Нация, народ не могут быть виновны. Сколько бы людей ни участвовало в злодействах государства — его полиции, армии, террористических властей, — сколько бы людей ни было обмануто господствующей бесчеловечной идеологией, лживой пропагандой и т. п., большинство народа не может быть причастно к массовым преступлениям, творимым от „его имени“. Как правило народ только страдает от них. И, наконец, каждая нация существует ведь не в одном отрезке исторического времени, а живет и в прошлом и в будущем, в древнейших традициях национальной культуры и в своих детях.

Горе народам, подавленным властью фанатиков, религиозных или политических изуверов, которые отравляют умы и души ненавистью к инородцам, к иноверцам, к соседним или завоеванным племенам! Горе нациям, поработленным тоталитарными режимами — горе, но не вина. Горе, но не месть.

Понятие национальной вины и принцип огульного возмездия целым народам наиболее последовательно выражены в обычаях варварской родовой мести, в ветхозаветных проклятиях „до седьмого колена“. Христианство их отвергло. Темным духам племенной вражды противостоял светлый дух Нагорной проповеди. Отвергал, противостоял, но не уничтожил. Тщетным был призыв бороться „не против плоти и крови, но против начальств и властей, против правителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных“ (Ефесянам, 6, 12). Снова и снова оживали эти духи злобы и внутри христианских церквей, в гонениях на язычников, евреев, еретиков, в крестовых походах, религиозных и национальных войнах.

Отвергнутые гуманистами и просветителями эти же варварские понятия возрождались во всех расистских теориях — пангерманских, панславянских, панмонгольских, антисемитских и сионистских, в преамбуле Версальского мирного договора, в проповедях „негритюда“.

Все „национальные вины“ — мифологичны. Однако реальны коллективные вины государственных учреждений, политических организаций, войсковых частей, судебных ведомств. И всего реальней, разумеется, личная вина, уголовная и нравственная ответственность каждого, кто участвует в действиях преступного коллектива, помогает им одобрением или равнодушным нейтралитетом.

Те, кто упрекает Генриха Белля в том, что он „односторонне” настаивает на „немецкой вине” и недооценивает „русскую”, а меня в том, что я „замалчиваю польскую вину”, и попутно уверяет, что в июне 1941 г. не было „немецкого нападения на мирный Советский Союз”, исходят из мифических общих понятий. Отчасти это объяснимо, так сказать, инерцией мифологического мышления, цепкостью предрассудков, но именно эти конкретные утверждения сознательно искажают действительность, сознательно противоречат неоспоримым историческим фактам.

Гитлеровское государство через своих агентов всячески провоцировало и разжигало вражду между немецкими жителями Польши и их польскими согражданами. Гитлеровские армии вторглись в Польшу, сея смерть и опустошение. После этого в нескольких местах возбужденные националистами толпы начали громить помещения нацистских организаций, набрасывались и на невинных людей только за то, что они немцы. Слепая жестокость этих погромов может быть объяснена, но не оправдана их причинами, и уж подавно ничто не может ни оправдать, ни ослабить вину тех, кто участвовал в несоизмеримо более жестоких массовых расправах, которые на протяжении всех последующих пяти лет систематически учиняли не возбужденные стихийными страстями толпы, а хладнокровные оккупационные власти, планомерные истребители польского населения — эссовские и полицейские каратели...

В Польше и на Украине, в Белоруссии, в Смоленской и в Новгородской областях я видел пепелища десятков Лидице и Орадуров, слышал рассказы женщин и детей, чудом уцелевших после того, как в отместку за действия партизан каратели сжигали целые деревни, истребляли сотни неповинных, беззащитных жителей.

Убежденные гитлеровцы и одураченные, развращенные или рабски покорные солдаты совершали чудовищные злодеяния. Ответственны те, кто их замыслил, кто отдавал и кто исполнял злодейские приказы, и те, кто их одобрял, оправдывал или скрывал, сознательно отрицая. Но объявлять все это виною нации и несправедливо и опасно, ведь именно так создается непрерывность „цепных реакций” мести и ненависти. Тот, кто пытается отрицать или оправдывать такие преступления, пусть даже из искреннего желания защитить национальное достоинство, и тем более тот, кто старается переадресовать их бывшим противникам, только вредит своему народу. Он ослепляет разум и оскверняет души соотечественников и провоцирует шовинистов другой стороны.

Именно так поступают сегодня все, полагающие возможным вывернуть наизнанку историю и возрождающие старую геббельсовскую сказку о „превентивном” нападении на СССР в июне 41 года.

Этой сказке немецкие солдаты верили только в самые первые недели войны. Тогда действительно едва ли не каждый пленный говорил, что „фюрер велел наступать на Россию, чтобы предотвратить внезапное нападение 180 русских дивизий, сосредоточенных на границе.” Но год спустя уже ни один здравомыслящий военнослужащий в Германии не верил этому, т.к. весь ход войны однозначно свидетельствовал о том, что мы были застигнуты врасплох, что ни наша армия, ни промышленность, ни психология наших людей не были подготовлены к войне. Да и сам Геббельс уже летом 1942 совсем по-иному, цинично откровенно говорил: „Мы воюем не за трон и алтарь; это война за зерно, за хлеб, за изобильный стол к завтраку, обеду и ужину... это война за сырье, за каучук, за чугун, за сталь, это война за достойное человека национальное существование, которого мы раньше не могли себе позволить, как стыдливые бедняки...”

Нет, вопрос о том, кто на кого напал в июне 41 года, не может вызывать сомнений у серьезных историков. Но это, разумеется, не значит, что преступления Гитлера - „план Барбаросса”, приказы расстреливать всех комиссаров, стратегические расчеты, предусматривающие уничтожение большинства жителей Ленинграда и Москвы, всех евреев, всех цыган, значительной части „расово неполноценного” или „избыточного” населения восточных пространств, могут оправдать преступления Сталина.

Не могут еще и потому, что Сталин не только объективно невольно, но во многих случаях и вполне сознательно помогал Гитлеру.

Это я понял сравнительно недавно. Еще и после XX-го съезда, после первых разоблачений того бесчеловечного режима, который у нас стыдливо называли „культом личности”, пытаюсь объяснить и другим и себе, как же я мог стать убежденным сталинцем, как мог ревностно служить сталинской власти и даже гордиться своей причастностью к силам, подавлявшим и обманывавшим моих сограждан, я прежде всего ссылался на угрозу фашизма, на то, что, мол, именно Сталин был наиболее проницательным, наиболее решительным противником Гитлера, Муссолини, японских империалистов, т.е. тех сил, которые грозили гибелью и порабощением нашей стране и всему человечеству.

Но со временем я узнал новые факты, научился и по-новому — независимо от предвзятых аксиоматических доктрин и сакрализованных идеологических табу — размышлять о том, что знал раньше. И убедился, что уже в 1930-33 г.г. Сталин объективно помогал Гитлеру, понуждал немецких коммунистов сосредотачивать свои силы прежде всего на борьбе против социал-демократии. А в 1936-39 г.г. сталинская военная помощь Испанской республике была слишком ограниченной, чтобы решающим образом повлиять на ход гражданской войны, однако достаточной для того, чтобы Гитлер и Муссолини могли, ссылаясь на советскую угрозу, посылать Франко сотни самолетов, тысячи танков, десятки тысяч кадровых вояк. В 1936-41 г.г. Сталин и его палачи уничтожили, загнали в тюрьмы и лагеря огром-

ное большинство генералов, адмиралов, старших офицеров, руководителей промышленности. Без нашей тогдашней помощи вермахт не мог бы так успешно воевать во все последующие годы. Материалист-прагматик Сталин, зная, как неоценима эта помощь для Германии, вероятно именно потому так тупо доверял дружбе Гитлера. Он доктринерски полагал, что тот не может решиться на риск войны, чтобы приобрести то, что получал просто так. Слепая доверчивость обычно столь подозрительного диктатора разоружила нашу страну и материально и морально, обрекла наши армии на жестокие поражения первого года и весь народ на небывалые страдания, бедствия, кровавые жертвы...

Впрочем, и Гитлер в свою очередь не раз помогал враждебному со- брату. Гитлеровский террор и откровенно человеконенавистническая во- инственная программа его партии побуждали миллионы людей видеть в Сталине и „меньшее зло” и даже выдающегося руководителя наиболее мощ- ных антифашистских сил. Многие из нас, вероятно, никогда бы не превра- тились в сталинцев, если бы не было гитлеровщины. И, разумеется, мы не знали, тогда не поверили бы, что в 1937 году гестапо сотрудничало со Ста- линским НКВД, помогая состряпать обвинение против маршала Тухачев- ского и ведущих военачальников Красной армии, а в 1940 году сотни не- мецких и австрийских антифашистов были прямо из советских тюрем пе- реправлены в немецкие.

22 июня 1941 года Гитлер обрек свою империю на неминуемую ги- бель, но спас сталинский режим от распада и возможного крушения. Вой- на, развязанная нацистами, стала Отечественной войной для русского народа и для большинства других народов Советского Союза, пробудила в них все лучшие силы. Вопреки поражениям и потерям, вопреки рационалисти- ческим расчетам зарубежных стратегов эти силы нарастали с каждым го- дом. Наша народная война привела к заслуженному разгрому гитлеров- ского тоталитаризма. Но, одновременно, к незаслуженному торжеству сталинского. Ему содействовали также и зверства оккупантов и бездар- ная стратегия фюрера...

4

„По сути никто не может научиться чему-либо из истории, потому что она содержит лишь множество глупостей и множество дурного.” Так сказал Гете 17 декабря 1824 г. („Разговоры с Ф.Ф.Мюллером”). Но уже пять лет спустя он говорил по-иному. „Об истории может судить лишь тот, кто сам пережил ее, кто на себе испытал историю. Так бывает и с це- лыми нациями.” (Из „Годы странствий Вильгельма Майстера”, 517 мак- сима).

Многие поколения народов Европы испытали на себе жестокую исто- рию нашего века. И как бы противоречивы и разноголосы ни были ее ог- лушающие поучения, все же мне представляется, что мы можем и должны

извлечь из них некие общие уроки.

...Родители моего отца и его сестра — самая мне близкая из теток — были расстреляны в октябре 1941 года в Киеве в Бабьем Яру; там за два дня уничтожили более 50000 киевлян еврейского происхождения. Оккупационные власти объявили об этой расправе, как о „возмездии” за действия партизан, взорвавших здания, в которых размещались учреждения вермахта. Мой брат, сержант артиллерии, в том же году погиб в бою. Еще несколько родственников постарше были расстреляны, повешены или „загазованы” в других городах, а молодые убиты на фронтах, умерли от ран... С тех пор многие из нашей родни говорили о немцах не иначе, как с ненавистью, отвращением, и они возмущались моим отцом, который был воспитан в гуманистических традициях русской интеллигенции, моим „догматическим” интернационализмом, возмущались, что мы не разделяли их чувств и отвергали требования массового возмездия, не хотели осуждать немецкую нацию в целом.

Подобно моим старым тетям и дядям рассуждали в первые послевоенные годы многие люди нашей страны — образованные и необразованные, старые и молодые, бывшие военнопленные и бывшие „остарбайтеры”, пережившие оккупацию и пережившие осаду Ленинграда, испытывавшие зверства карателей и „брандкоммандос”, которыми замыкались планомерные отступления вермахта.

Из их исторического опыта, из воспоминаний выростали недоверие и ненависть. Их безоговорочно убеждала военная пропаганда, а позднее та великодержавная шовинистическая идеология, которая развилась в годы перзрелой сталинщины, да и пока еще не исчезла.

Но со временем, особенно в последние два десятилетия, эти недобрые чувства постепенно слабели, остывали. У новых поколений моих сограждан они, пожалуй, отсутствуют или ничтожно незначительны.

Такому благотворному развитию содействовали и содействуют многие силы. Прежде всего — гуманные традиции русской национальной культуры. А так же в значительной мере и творчество современных немецких писателей, которые рассказывают правду об опыте нашей общей истории. Наиболее популярны у нас и, пожалуй, наиболее действенны именно в исцелении душевных ран войны — романы и рассказы Генриха Бёлля. Произведения Томаса и Генриха Маннов, Брехта, Зегерс, Кеппена, Штриттматера, Кристи Вольф, Зигфрида Ленца, Пауля Шаллюка, Леонгарда Франка, Иоганна Бобровского и других современных немецких авторов тоже издаются массовыми тиражами и тоже мгновенно раскупаются.

Спрос на них не зависит от колебаний внешнеполитической температуры. Тем более странно бывает мне и моим друзьям читать в некоторых газетах или слушать по „Немецкой волне” упреки Бёллю в избытке национальной самокритики и недостатке... патриотизма. Ведь, пожалуй, никто так, как он, не содействовал восстановлению „доброго имени немца”, и

не только у нас в стране.

Бывший варшавский повстанец, родители которого погибли под развалинами в дни первых воздушных налетов на Варшаву, а брат был замучен в концлагере, прочитал мою книгу по-немецки, прочитал послесловие Бёлля и сказал:

— Тридцать лет тому назад я бы это читать не стал. Сразу бы выбросил. Тогда я так ненавидел немцев — всех, как одного, — что думал: никогда не будет примирения, не может быть. И многие у нас в Польше так же думали и чувствовали. Ведь что они сделали с нашим народом, с Варшавой! В те годы я просто не мог в руки взять немецкую книгу или газету. Не мог слышать их речи — в глазах темнело... Но время шло. Теперь и я, и мои дети, и приятели читаем их книги. Вот его — Бёлля — полюбили даже, и Грасса, и Бобровского, и других. Многие наши стали ездить туда в экскурсии, в гости. И не только за Одер, но и за Эльбу... И я видел, как Вилли Брандт стал на колени перед памятником Варшавскому гетто. Вот в тот момент я и почувствовал: нет во мне больше ненависти... Он опустился на колени и поднял свой народ. Понимаешь? Высоко поднял в наших глазах и в наших сердцах. Так я сознаю как поляк и как христианин. Иисус сказал: „...кто вознесет себя, тот будет унижен, а кто унизит себя, тот будет вознесен.“

Эти слова, прозвучавшие впервые на рассвете нашей эры, и мне представляются сегодня одним из самых злободневных уроков новейшей истории.

Нет виновных народов, но есть виновные государства, толпы, коллективы и, главное, личности. Определять степень и меру чужой вины вправе лишь тот, чья совесть чиста, кто способен нелицеприятно судить. Но к себе самому должно быть наиболее взыскательным и строгим, не смея оправдываться ни вынужденностью, ни малой значительностью, ни идеалистическим бескорыстием своего участия в дурных делах.

Писать воспоминания я стал потому, что сознавал свою виновность. Но я уверен, что никакое раскаяние не искупит мою вину, не освободит меня от ответственности за все, что совершила партия, к которой я принадлежал, и государство, которому я служил. Прошлого не изменить. Не будучи религиозен, я не могу надеяться на отпущение грехов. Все вины мои навсегда со мной. И это самоосуждение — не замаливание грехов, а просто необходимость объективная и субъективная. Только осудив себя решительно и безоговорочно, осудив свое прошлое, могу я продолжать жить. Потому что могу быть уверен: ничего подобного уже не повторю.

И только осудив себя, я обрел право и даже обязан спорить с теми, кто пытается отрицать, умалять или оправдывать свои подобные вины. Только так могу я противоборствовать новым угрозам, исходящим от тех вождей и пророков, которые „сами себя возносят“.

А самый главный для меня урок новейшей истории — очень прост,

хотя и особенно трудно усваивается. Это урок ПРАВДЫ И ТЕРПИМОСТИ.

Правда всегда была нужна. Способность признавать и самую горькую правду, вопреки личной пользе и самолюбию, вопреки предрассудкам и условностям, племенной, сословной, национальной, партийной гордости, вопреки соображениям церковных или государственных интересов, была всегда полезна и отдельным людям и народам.

Призывы любить и прощать ближних, даже врагов, прозвучали уже в первом столетии нашей эры, и с тех пор они остаются прекрасным, сверхчеловеческим идеалом „не от мира сего”. Призывы Евангелия и всех добрых утопистов, мечтавших о счастье людей, проповеди Льва Толстого и Ганди, Альберта Швейцера и Мартина Лютера Кинга находили только мало-численных или временных последователей, а чаще были „голосами вопиющих в пустыне”.

Но сегодня ПРАВДА И ТЕРПИМОСТЬ — уже не идеальные мечты; ЭТО НАСУЩНО НЕОБХОДИМО. *Conditio sine qua non!*

Без них погибнет вся жизнь на земле. Безоговорочная правда и самая широкая терпимость, человеколюбие, преодолевающее все виды ненависти и вражды, необходимы, чтобы продолжало жить человечество.

Сентябрь-октябрь 1976 года

Статья частично опубликована в „Ди Цайт” 4 февраля 1977 г.

В СЕКРЕТАРИАТ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Меня пригласили на заседание Секретариата. Я не сомневаюсь в исходе этого заседания и даже могу представить себе, что именно должны говорить ораторы. Ведь то, что происходило, когда исключали и таких известных, многими любимых писателей, как Лидия Чуковская, Владимир Войнович и Владимир Корнилов, свидетельствует о стандартно выработанной процедуре.

Ритуал моего исключения призван лишь оформить фактическое отстранение от литературной работы, которому я подвергаюсь почти десять лет.

Просить „помилования” я не могу, так как все, что вменяется мне в вину, определено моим сознанием нравственного и гражданского долга. А именно: защита несправедливо гонимых и протесты против попыток возродить сталинщину. Тексты моих писем, заявлений, статей, а также моя книга „Хранить вечно” вам доступны, и любой непредвзятый читатель увидит, насколько подтвердились высказанные в них тревоги и предостережения.

И сегодня я могу лишь снова повторить недоуменные вопросы:

— Зачем нужны административные расправы с литераторами?

— Кто поверит, что такие расправы помогают развитию отечественной литературы и деятельности **творческого** союза?

— Неужели зачинщики этих расправ настолько оскудели памятью и воображением, что хотят заново разыгрывать старые трагедии и не сознают, как сами при этом оказываются персонажами бездарных фарсов?

Ни в каких заседаниях такого рода я не буду участвовать. Авось, это поможет и тем из вас, кто думает и чувствует по-иному, чем велено: им не придется лишний раз выступать, кривя душой, обрекая себя на запоздалое раскаяние, на презрение своих же детей и внуков.

Единственная моя просьба — прочесть это письмо.

Москва, 24 марта 1977 г.

Опубликовано в „Русской мысли” (Париж) 5 мая 1977 г.

BOOKS FROM ARDIS PUBLISHERS

- Саша Соколов, *Школа для дураков*
Иосиф Бродский, *Часть речи*
В. Войнович, *Иванькиада*
Л. Копелев, *Хранить вечно*
Л. Копелев, *Вера в слово*
А. Платонов, *Шарманка*
В. Марамзин, *Блондин обеего цвета*
Н. Горбаневская, *Побережье. Стихи.*
М. Булгаков, *Дьяволиада*
О. Мандельштам, *Египетская марка*
Б. Пастернак, *Воздушные пути*
В. Набоков, *Возвращение Чорба*
В. Набоков, *Дар*
В. Набоков, *Лолита*
В. Ходасевич, *Тяжелая лира*
М. Кузмин, *Избранные стихи*
Н. Гумилев, *Огненный столп*
В. Маяковский, *Про это*
К. Чуковский, *Поэт и палач*
Анна Ахматова, *Anno Domini MCMXXI*
Ellendea Proffer, *A Bibliography of Works by & about M. Bulgakov*
Osip Mandelstam, *The Complete Critical Prose and Letters*
Velimir Khlebnikov, *Snake Train: Poetry & Prose*
Alexander Pushkin, *A Journey to Arzrum*
Nikolai Erdman, *The Mandate & The Suicide*
Fyodor Sologub, *The Created Legend*
Andrei Platonov, *The Foundation Pit / Kotlovan*
Fazil Iskander, *The Goatibex Constellation*
Konstantin Mochulsky, *Andrei Bely*
Carl & Ellendea Proffer, *The Silver Age of Russian Culture*
Gordon McVay, *Esenin: A Life*
Karolina Pavlova, *A Double Life*
M. Saltykov-Shchedrin, *The Golovlyov Family*
Nadezhda Mandelstam, *Mozart and Salieri*